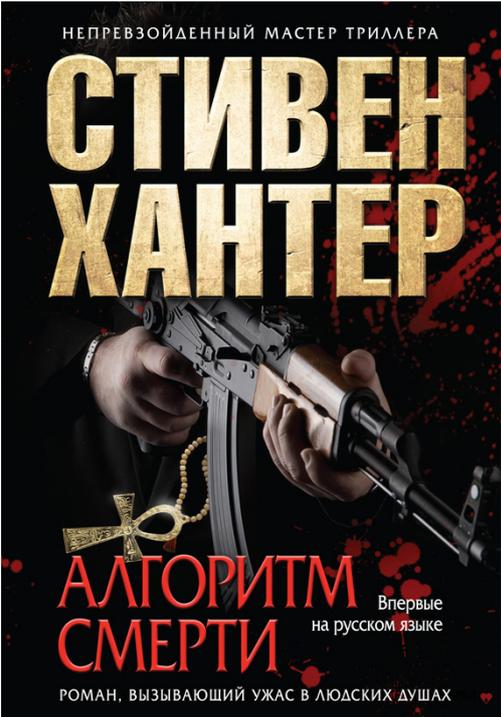

НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ МАСТЕР ТРИллЕРА

СТИВЕН ХАНТЕР

**АЛГОРИТМ
СМЕРТИ**

Впервые
на русском языке

РОМАН, ВЫЗЫВАЮЩИЙ УЖАС В ЛЮДСКИХ ДУШАХ

Стивен Хантер Алгоритм смерти

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955425
Алгоритм смерти / Стивен Хантер: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58986-9*

Аннотация

В канун Рождества в самом крупном торговом центре Америки, на окраине Миннеаполиса, собрались десять тысяч человек – покупать подарки и веселиться. И лишь двенадцать из них пришли сюда с другой целью. Они пришли убивать.

Двенадцать боевиков из исламской террористической организации «Аль-Шабаб» устроили в торговом центре кровавую баню. Казалось, все было просчитано и распланировано – ведь операцию замышлял настоящий гений зла. Но они не знали, что среди покупателей находился бывший снайпер морской пехоты США Рей Крус, сын знаменитого Боба Ли Свэггера...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

41

Стивен Хантер

Алгоритм смерти

*Посвящается литературным наставникам, которые помогли
ничем не примечательному пареньку чего-то добиться:*

Мистеру Эйте

Мистеру Грегори

Доктору Гесту

Мистеру Байрну

Мистеру Хангерорду

Мистеру Джекоби

Мистеру Болдуину.

Перья так и полетели во все стороны!

– Что ж, надо было бежать, надо было бежать.

Безумный Ли, фильм «Дикая банда», 1969 год

От 14 часов 47 минут

до 15 часов 19 минут

Пуля попала Санта-Клаусу чуть ниже левого глаза.

Она раскроила ему череп, проделав в задней части этого сосуда здоровенное выходное отверстие, и выплеснула на бледный атлас кресла узор ярко-красных брызг в духе извращенного абстракционизма. Что хуже, кинетическая энергия пули высвободила спазм верхней половины тела Санта-Клауса, отчего его шапка комично сползла набекрень и, зацепившись за ухо, повисла на нем подобно большому красному носку.

Четырехлетняя девочка, сидевшая у него на коленях, уставилась на все это не столько в ужасе, сколько завороченно. Она поняла, что «что-то тут не так», однако ее небольшой жизненный опыт еще не имел образца, с чем это можно было бы сравнить. Девочке еще были неведомы понятия ужаса и животного страха, охватывающего человека при виде бесцеремонно вскрытых и выпотрошенных кладовых живого организма, но она тотчас же повторила подобающий отклик своей матери, которая подхватила ее на руки и закричала, как и сотни тех, кто столпился вокруг кресла Санта-Клауса.

За несколько минут до этого

Все было как на войне, но только кормежка была гораздо хуже.

Это было... хождение по магазинам... в торговом центре... на следующий день после Дня благодарения, в самую черную из всех самых «черных пятниц».

Рей Крус решил для себя больше никогда не проверять свой коэффициент интеллекта, поскольку результаты, после того как он согласился на эту авантюру, оказались самоубийственно удручающими.

Рей покачал головой, и тут кто-то из толпы толкнул его в плечо. Этот человек покидал просторный пассаж «Колорадо» – названный так по реке, а не по штату, – в то время как Рей, наоборот, только направлялся туда. Виноват он? Возможно, а может быть, и не он, но Рей, неизменно вежливый, бросил взгляд на свою жертву, виновато улыбнулся, обнаружил, что это особа женского пола моложе двадцати, и, заключив, что он не зарегистрировался у нее в сознании как живое существо из органического мира, снова развернулся к тому, что было впереди.

А впереди были люди, смятение, алчность, толчея, отчаяние праздников, семейные трения, долг и ответственность, озвученные лишь наполовину, но полностью прочувствованные, сожаление и чувство вины, бесконечные и страстные. И все это присутствовало

у Рея перед глазами, в длинном пассаже торгового центра «Америка», совершенно незнакомом, по обеим сторонам которого тянулись торговые точки, предлагающие стандартный набор сокровищ: ювелирные украшения, одежда, обувь, женское нижнее белье, игрушки, тут и там остановки, чтобы перекусить или выпить, и все это освещено через стеклянную крышу красно-желто-зеленым спектром праздничной иллюминации, хотя температура держалась на значении ровно семьдесят два градуса по Фаренгейту, а отголоски вездесущего шума также свидетельствовали о том, что это замкнутое помещение. Столько информации, столько роскоши, обилие лиц и нарядов, от красоты до гротеска, от здоровья до болезни, от младенчества до глубокой старости. Однажды Рей видел то же самое на сельском базаре в Афганистане, но только это был не Афганистан. Все это высасывало из него жизненные силы. Ему захотелось укрыться. Однако окружающая действительность шквальным артиллерийским огнем неумолимо терзала все его органы чувств. Он поймал себя на том, что обыкновенно непроницаемое выражение его лица помимо воли разбивается вдребезги, уступая место бесконечной меланхолии.

– Эй, морпех, что-то ты завял, – сказала Молли Чан.

– Мне сейчас придется вызывать санитаров, – пробормотал Рей.

– И это говорит такой здоровяк, как ты? Уверена, ты сможешь выстоять до конца. Мы вернемся с подарками, все будут счастливы, и тебе станет хорошо. Племянники будут тебя боготворить, сестры будут ломать голову, почему ты предпочел меня им, отец предложит тебе стать партнером в его деле, а мама... ну, что можно сказать про маму?

Рей зачарованно слушал все это. Семья. Это было нечто такое, что у него самого отняли много лет назад на шоссе неподалеку от Манилы, когда пьяный водитель направил свой грузовик лоб в лоб на машину, в которой мать и отец Рея возвращались домой из гостей. И даже известие о том, что его родной отец по-прежнему жив, так и не заполнило эту брешь у него в сердце. Быть может, эта задача окажется по силам многочисленному шумному, живому семейству Чанов.

Сейчас Рею было уже сорок два – минуло всего несколько месяцев, как он расстался с двадцатью двумя годами «гунг-хо»¹, службы в морской пехоте Соединенных Штатов, на протяжении которых Рей только и делал, что стрелял сам и уворачивался от чужих пуль. В память об этом у него осталось множество шрамов, полученных в далеких странах, жарких и холодных, а также воспоминания, которые иногда – в последнее время реже, чем прежде, – накатывались на него: молодые парни, еще совсем мальчишки, истекающие кровью или разорванные в клочья, заразная дизентерия страха, иго долга, потребность идти до конца и закончить дело, даже если это его доконает. «Рей, что ты пытаешься доказать? Ахиллес умер миллион лет назад. Если ты не будешь себя беречь, кто-нибудь и тебе всадит стрелу в пятку».

«Я Гектор, а не Ахиллес», – отвечал Рей, прекрасно сознавая разницу.

Но затем, в Вашингтоне, в одном ведомстве, скрывающемся за аббревиатурой, куда его пригласили на собеседование по поводу трудоустройства после выхода в отставку, Рей познакомился с Молли Чан, и, быть может, эта встреча должна была все изменить – к лучшему. И произошло это, подумать только, в другом огромном торговом центре, в северной части Вирджинии.

– У вас такой вид, будто вы вот-вот расплачетесь, – послышался голос за спиной у Рея, который растерянно остановился на пересечении торговых пассажей, совершенно сбитый с толку.

¹ «Гунг хо» – искаженное китайское выражение, означающее «преданность», «воодушевление». В 1943 году майор Э. Карлсон, командир 2-го отдельного батальона морской пехоты, начал использовать его для поднятия боевого духа своих солдат, вскоре оно распространилось по всей морской пехоте США. *Semper fi* – сокращение от *Semper fideliti* – «всегда верен» (*лат.*), девиз морской пехоты США. (*Здесь и далее прим. переводчика.*)

Он обернулся. Молодая женщина, азиатского во внешности еще больше, чем у него самого, ниже его ростом, а ее лицо, в отличие от его мертвой голой пустыни, умеющей разве что только оставаться безучастной под вражескими пулями, было живым, озаренным изнутри умом и искрящейся жизнерадостностью. И еще у нее были...

– У вас широкие скулы, – пробормотал Рей.

– Совершенно верно. По одной с каждой стороны. И они никуда не денутся, сколько бы я ни ела.

– Я наполовину азиат, – смущенно произнес он.

– Я заметила обе половины, – подтвердила женщина. – Не сомневаюсь, это очень длинная история.

– Более длинная, чем сага Толкина². И более тупая. По крайней мере – никаких хоббитов. Но вы были совершенно правы, я действительно вот-вот расплачусь. Зачем я пришел сюда? Это самое настоящее светопреобразование. Мне нужно только купить кальсоны.

– Вы никогда прежде не бывали в торговом центре?

– Возможно. Точно не могу сказать. Я только что уволился из морской пехоты, после двадцати двух лет. На военной службе могут убить, но зато там выдают бесплатное нижнее белье.

Женщина рассмеялась, и это явилось своеобразным началом. Как быстро выяснилось, они ладят друг с другом, у них совпадают жизненные ритмы, они сходятся во мнении относительно того, кто на свете главные сволочи. А еще оба терпеть не могли самодовольных, заносчивых, напыщенных людей, оба верили в напряженный труд, скромность, сдержанность и честность. Оба не злоупотребляли выпивкой, но и не чурались спиртного. И оба были до неприличия умными. Ну что могло пойти наперекосья?

Сначала по чашке кофе, затем пара обедов в ресторане, несколько приятных веселых сообщений по электронной почте, затем ужасное кино, потом произошло кое-что интересное, и вот Рей уже был в Миннесоте, в самом большом торговом центре Америки – он так и назывался «Америка», и эти буквы красовались повсюду, – в день самой оживленной в году торговли. Рей приехал в гости к родным Молли, живущим в расположенном неподалеку Сент-Поле, и сегодня Чаны всем своим многочисленным семейством отправились за покупками.

Семейство принадлежало к вьетнамскому племени хмон, которое в 60-х и начале 70-х мужественно и преданно поддерживало американцев, после чего (в связи с политической обстановкой) было переселено на Средний Запад. Молли родилась в Америке и в Азии бывала только в качестве туристки. Ей было тридцать четыре года, она работала в Вашингтоне юристом в Министерстве энергетики. Она была красивая, ее не устраивал ни один из мужчин, с кем она была знакома, и до сих пор она сама точно не могла сказать, почему заговорила с тем аккуратным парнем в торговом центре, искавшим кальсоны, но была очень рада, что это произошло. Рей рассказывал о своем прошлом туманно, не ведая о том, что в свое время, пока все еще не зашло слишком далеко, Молли обратилась к одному своему знакомому, которому когда-то оказала услугу, и получила краткий послужной список Рея, с описанием всех его пяти командировок в задницу и последнего путешествия в преисподнюю, закончившегося взрывом ракеты в Розовом саду Белого дома.

– Ну а сейчас, – спросил Рей, когда их влекло течением по второму этажу бурного пассажа «Колорадо», – признайся, нас занесло в это место случайно или же впереди есть какая-то осознанная цель?

² Толкин, Джон Рональд Руэл (1892–1973) – известный английский писатель, в первую очередь прославился своей сагой о сказочных персонажах хоббитах.

По обеим сторонам тянулись нескончаемые ряды магазинов: модная женская одежда, игрушки, видеосалон. И повсюду огни, зеленые и красные, рождественские елки, гномы, Санта-Клаусы, вся полная корзина рождественского веселья, бесцеремонно взывающие к невинным и тем, кто легко поддается внушению.

– По-моему, прямо впереди есть одна точка, где торгуют роликовыми досками. Как мне сказали, моему племяннику Джорджу нужна какая-то особенная изолента. Значит, нам за изолентой. Покупаем ее и поворачиваем обратно.

– Надеюсь, это я еще как-нибудь выдержу, – сказал Рей.

– Ты будешь праздновать победу. Как всегда, – улыбнулась Молли. – Почему сейчас должно быть иначе?

Однако продвигаться вперед было очень непросто. Собираясь в огромном количестве, обычно вежливые и меланхоличные жители Миннесоты почему-то становились воинственными. Для них Рождество было вопросом жизни и смерти, жестким и агрессивным видом спорта, в который они играли с большим рвением, чем их любимые «Миннесота Викингс» который уже сезон, и они готовы были снести оказавшихся у них на пути двух экзотических чужаков вроде Рея, Рейеса Фиденсиу Круса, выросшего на Филиппинах, хотя и родившегося в другом месте, и Молли Чан.

Наконец Рей и Молли добрались до «Роллерграда». Рей молча наблюдал за тем, как его подруга купила моток ярко-красной изоленты, чтобы ее племянник смог со свистом носиться по улицам на миниатюрной доске для серфинга, установленной на шасси реактивного истребителя. Одного взгляда на эту шаткую конструкцию, созданную для скорости, азарта, адреналина, крепких ног и нежелания думать о плохом, свойственного четырнадцатилетним, хватило Рею для того, чтобы остро прочувствовать свой собственный возраст. Ему несколько тысяч раз приходилось бывать под пулями, однако роликовая доска напугала его до смерти. Он предпочел бы столкнуться один с десятком вооруженных до зубов талибов, чем прокатиться на этом смертоносном снаряде.

– Ну, вот видишь, все оказалось так просто, – сказала Молли.

– Я боялся, будет хуже, – признался Рей. – Ко мне потихоньку возвращаются силы. Значит, мы закончили, да?

– Да, мы закончили.

– То есть теперь мы можем заняться чем-нибудь другим?

– Если только ты не хочешь прокатиться на «Дикой мышке», – усмехнулась Молли.

– Я лучше еще раз отправлюсь в Афганистан, чем сяду в эту штуковину, – сказал Рей.

Меньше чем в двадцати пяти ярдах впереди пассаж под названием «Колорадо» вливался в огромное пространство, залитое солнечным светом, и на переднем плане по рельсам, извиляющимся слаломной трассой, несся одинокий вагончик аттракциона «Дикая мышка», вытрясая восторженные крики из своих пассажиров-подростков. Это зрелище разворачивалось прямо за перилами балкона, ибо здесь посреди торгового центра было выделено место для обширного парка развлечений, под стеклянной крышей, своими контурами повторяющей знакомые всем очертания географической карты.

Тщеславие творцов торгового центра «Америка» в Индиан-Фолс, штат Миннесота, заставило их отказаться от обыкновенного здания в форме огромного пончика. Архитекторы постарались более или менее повторить очертания континентальной части Соединенных Штатов, и в результате получился стилизованный пятиугольник, морфический резонанс которого тотчас же вызывал в коллективном подсознании ассоциации с Америкой. Более того, здание было правильно сориентировано по сторонам света, поэтому его ровная прямая граница действительно находилась на северной стороне. Далее береговая линия штатов Вашингтон, Орегон и Калифорния изгибалась до угла Сан-Диего, после чего резко сворачивала на восток длинной стеной, которая образовывала два полумесяца, обозначающие изгиб

мексиканской границы и побережье Мексиканского залива. В этом конце, приблизительно там, где в действительности расположен Таллахасси, наружная стена уходила на юго-восток, образуя выступ-полуостров, изображающий Флориду. Завершая фантазию, от крайней оконечности Солнечного штата до конца заснеженного Мэна снова шла прямая стена всего с одним изгибом, в честь той точки на Атлантическом побережье, где встречаются Флорида и Джорджия. Разумеется, это означало, что парк развлечений располагался на «Среднем Западе», или в центре огромного комплекса площадью семьсот пятьдесят тысяч квадратных футов, а закрывавшая его сверху стеклянная крыша повторяла очертания Великих озер.

С земли сооружение не представляло ничего интересного: с какой бы точки человек ни смотрел на торговый центр «Америка», он видел перед собой лишь нечто вроде корпуса авианосца, брошенного посреди заснеженных равнин Миннесоты. Однако к этому никто и не стремился. Комплекс был расположен как раз под трассой, заходящих на посадку в огромный международный аэропорт Миннеаполиса и Сент-Пола самолетов, поэтому тысячи человек ежедневно видели его во всей красе с высоты тридцать тысяч футов, чего и добивались его создатели. Подобно египетским пирамидам, торговый центр «Америка» приобретал смысл, только если смотреть на него с неба.

Внутри, помимо пассажиров, названных по именам рек, и зон, обозначенных в соответствии со сторонами света, создатели комплекса продолжали усердно обыгрывать тему географии. Остроумию их не было предела: многозальный кинотеатр – пятнадцать экранов – находился на четвертом этаже «Калифорнии», дорогие бутики, предлагающие роскошные коллекции мужской и женской одежды, были сосредоточены в Северо-Восточной зоне, на «Манхэттене», во «Флориде» располагались магазины, предлагающие товары для отдыха, вокруг парка развлечений на «Среднем Западе» скопились всевозможные рестораны, кафе и закусочные, и так далее, и так далее.

Самым дьявольским местом был парк развлечений. Помимо «Дикой мышки», в нем были и другие захватывающие дух аттракционы, один, в котором с бешеной скоростью крутились кресла, закрепленные на длинных тросах, другой, воплощавший чье-то представление о сплаве бревен по горной реке, где орущих посетителей носило по жидкости акваринового цвета с запахом насыщенной хлорки, и больше похожей на «Скоуп»³, чем на собственно H₂O. Крики катающихся, стук колес вагончиков на рельсах, пестрое мельтешение, свист потоков возмущенного воздуха в сочетании с гомоном покупателей – все это многократно усиливалось под стеклянной крышей, призванной пропускать скудные лучи ноябрьского солнца Миннесоты и создавало невыносимую атмосферу. Здесь в полной мере проявлялись те две вещи, которые как нельзя лучше подходили торговому центру под названием «Америка»: торговля и скорость.

– Ну хорошо, – сказала Молли. – Тогда уходим отсюда.

– Я уже умер, – пробормотал Рей.

– Ой, подожди, – спохватилась она. – А теперь, если ты действительно хочешь порадовать свою Молли, позволь направить тебя в нужную сторону.

С этими словами Молли развернула его на сорок пять градусов, прямо на закусочную быстрого питания.

– Я чувствую запах картошки, – сказала она. – Картошка – это замечательно. Картошка, масло, соль, хрустящая корочка...

– Ну, – сказал Рей, – должен признаться, пахнет хорошо.

– Это верно, вот только, скорее всего, это запах не жареной картошки, а какого-нибудь химического препарата от «Монсанто»⁴. Вероятно, он распыляется из баллончика.

³ «Скоуп» – антибактериальная жидкость для полоскания рта с ароматом ментола.

⁴ «Монсанто» – химическая компания, выпускает лекарства, продукты питания.

– Можешь считать, что на меня он подействовал. Пойдем поедим жареной картошки и...

И тут раздался звук, хорошо знакомый Рею. Один, громкий. После чего еще и еще. Много. Частый треск, резкий, вызывающий боль, разлился по пассажам и площадям, слишком громкий, раздражающий слух, воспроизводящий себя многократными отголосками. Толпа на мгновение застыла, затем последовала паника, крики, хаос.

– Это выстрелы, – сказал Рей.

Человека, застрелившего Санта-Клауса, звали Махир. Это был здоровенный сомалийский боевик из группировки «Хизбуль-ислам», которую возглавлял генерал Хасан Дахир Авейс⁵. Эта группировка боролась с осквернителями истинной веры из группировки «Аль-Шабаб». Обе группировки расходились во мнениях по всем принципиальным вопросам; разногласия между ними можно было легко перечислить, если потратить на это года полтора или около того. Выстрел был сделан с расстояния ста пятидесяти футов, однако для Махира это были пустяки. В свое время он много стрелял на больших дистанциях, как правило, попадая в цель, и вблизи, поэтому для него не было ничего нового в самом виде смерти только что застреленного им человека.

Однако все остальное было необычным. Само это место, странное, непонятное сооружение, эти люди, привыкшие к богатству и комфорту, невыносимые запахи еды, красота молодых девушек – вся эта новая информация захлестнула Махира с головой, и он едва не поддался ее чарам. Но Аллах уберег его, помог остаться полностью сосредоточенным на предстоящей миссии.

Сделав выстрел, ставший сигналом к началу этой великой мученической операции, которой суждено было еще до конца дня отправить всех ее участников прямиком в блаженство рая, Махир обвел взглядом бросившихся врассыпную людей. Зрелище было таким забавным. Ха-ха, выражение ужаса на всех этих лицах. На войне редко удается увидеть подобный страх, потому что приходится постоянно двигаться. Но здесь все было иначе.

Махир стоял в окружении скопища безумных скоростных устройств, слушая доносящиеся со всех сторон выстрелы. Это его братья нанесли первый удар по неверным. Повсюду царили паника и страх, но в основном смятение, поскольку кто-то бежал в одну сторону, кто-то бежал в другую, все то и дело сталкивались друг с другом, и сшибленные с ног люди ползали по полу на четвереньках.

Махир чуть отступил назад, подальше от мечущейся толпы, сознавая, что при желании можно было стрелять и стрелять, убивать и убивать, но в конце концов, торопиться было некуда, поскольку времени будет еще достаточно для подобных развлечений.

На огромном видеодисплее с картинками ССИКУ мирно урчала МЕМТАК-6.2, киберсвидетельство того, что в королевстве «Америка» все спокойно.

На самом деле можно было и не смотреть на экран, однако Фил Дикинс все равно наблюдал за происходящим. За аббревиатурой ССИКУ скрывалась Система сбора информации, контроля и управления, и именно она заправляла торговым центром посредством компьютерной программы МЕМТАК-6.2, разработанной германской фирмой «Сименс». ССИКУ заведовала всеми входами и выходами огромного комплекса, вентиляцией и кондиционированием, энергопотреблением, системой безопасности, а также всеми прочими системами жизнедеятельности торгового центра. Она руководила через компьютер, собирая необходимые для его работы данные. Система могла выполнять простые операции (в задан-

⁵ **Авейс, Хасан Дахир** (род. 1935) – сомалийский политический и военный деятель, радикальный исламист. Возглавляет военизированную группировку «Хизбуль-ислам», которая в 2010 году слилась с группировкой «Аль-Шабаб».

ный момент времени отпереть все входные двери) и сложные (в случае сбоя канала спутниковой связи перенаправить все платежные операции с использованием кредитных карточек). У нее не было никаких предпочтений, у нее отсутствовали причуды, заскоки, сбои, она была начисто лишена обаяния и задумчивости и олицетворяла собой тупо упорядоченное совершенство немецкой инженерной мысли. С такой было лучше не выпивать вместе, так как в противном случае все могло закончиться блеванием в придорожной канаве и тоской по новому вторжению в Польшу.

Система устанавливала температуру, регулировала освещение, извещала службу безопасности о сигналах тревоги, контролировала процесс подтверждения платежеспособности кредитных карточек, следила за пожарной сигнализацией, проверяла исправность камер видеонаблюдения и записывающего оборудования. И что было в ней особенно круто – ох уж эти дотошные немцы! – так это удобный и дружелюбный графический интерфейс.

Таким образом, целую стену диспетчерской службы безопасности торгового центра «Америка», расположенной на четвертом этаже, занимал огромный экран с потоком непрерывно текущей информации, сияющий на темно-синем фоне, чем-то похожий на фамильное древо знатного семейства с планеты Дьюн⁶. Колонки цифр, идентификационные значки, красноречивые пиктограммы, и все это расположенное строгими рядами и доступное по первому же щелчку компьютерной мыши. Сама система, когда ей требовалось ласковое вмешательство человека (что случалось редко), управлялась по методу «нажми и забудь». Оператору достаточно было выбрать что-нибудь курсором и перетащить это в нужное место, и где-то далеко кондиционеры понижали температуру на два градуса, охранники на этаже извещались о том, что кто-то запихнул хлопчатобумажные трусики за бачок в мужском туалете «Гудзон» 3-122, а система обеззараживания воды в аттракционе «Сплав по горной реке» уменьшала содержание хлорки до двух сотых промилле, чтобы запах не так раздражал пожилых людей с повышенной чувствительностью обонятельных рецепторов.

Но до сегодняшнего дня никто никогда не стрелял в Санта-Клауса.

– Господи, кто-то только что застрелил Санта-Клауса! – вдруг крикнул один из дежурных. Это был компьютерный спец, которому в дополнение к его и без того многочисленным обязанностям было поручено следить за мониторами камер видеонаблюдения. – Боже милосердный, я не шучу! Бедняге снесло полголовы пулей...

– Вызывайте полицию, – распорядился Дикинс. – Черт, не могу представить себе, какому извращенцу...

– Фил, посмотрите на девятый монитор!

Фил, старший вечерней смены службы безопасности торгового центра «Америка», посмотрел на девятый монитор и увидел хаос, панику, мельтешение, стремительно разрастающиеся до эпидемии безотчетного стадного движения. Он знал, что на этот монитор выводится изображение с камеры, установленной на первом этаже в северо-западном конце пассажа «Колорадо». Закрепленная в плексигласовом ящике, камера с расстояния сто пятьдесят ярдов взирала на «зону Зет», как на профессиональном жаргоне именовался парк развлечений. Благодаря масштабности охвата системы видеонаблюдения Фил увидел, как паника распространилась с девятого монитора на восьмой, восточный вход в «зону Зет». Одновременно на телефонном коммутаторе замигали десятки лампочек, и послышались возбужденные голоса охранников, докладывающих о происходящем с места.

Тем временем огромная панель начала подавать сигналы тревоги: отслеживая потоки посетителей, она бесстрастно зафиксировала толчею и давку в трех дверях.

– Проклятье! – выругался Томасон, помощник старшего смены. – Взгляните на пятнадцатый монитор!

⁶ Имеется в виду знаменитый фантастический фильм «Дьюн» 1984 года.

Фил ощутил, как холодное лезвие боли вонзается ему в солнечное сплетение. Он вынужден был сделать глубокий вдох, чтобы не свалиться в обморок. Пятнадцатый монитор выдавал те же самые симптомы: паника, беспорядочное бегство, мечущиеся толпы, хаос, страх, люди бегут, люди падают, детей сбивают с ног, стариков отталкивают в сторону. Ужас перетекал от одного монитора к другому, открываясь во всех ракурсах, – всего в торговом центре было установлено тридцать две видеокамеры наблюдения, и вскоре вся стена в диспетчерской уже была заполнена одним и тем же. На заднем плане размазанное изображение дула автомата изрыгнуло раскаленное добела пламя, приковавшее взгляды всех собравшихся, несмотря на то, что сюда не проникали никакие посторонние звуки.

– У меня стрельба! – кричал в телефон Томасон. – У нас в торговом центре идет стрельба, на первом этаже, господа, люди падают, повсюду кровь!

Это был абсолютный кошмар, которого, как уверяли все, никогда не должно было случиться. Однако кошмар наступил. Он был здесь. Все это происходило наяву. Фил сглотнул комок в горле, подавленный случившимся. Переводя взгляд с одного монитора на другой, он видел вооруженных боевиков, которые двигались по пассажам, сгоняя перед собой сотни безоружных людей. Ну конечно же: собрать всех посредине, в «зоне Зет», держать там или же устроить бойню. Фила захлестнуло отчаяние. Он как никто другой представлял себе, насколько сложным сооружением является торговый центр и какую трудную задачу придется решать правоохранительным органам: парк развлечений в самом центре огромного комплекса, петли и кольца рельсов на разной высоте. К тому же сзади магазины опутаны сетью служебных коридоров и лестниц – что-то вроде огромного трехмерного лабиринта.

В голове у Фила прояснилось. Он схватил с консоли красный телефон, напрямую связываясь с центральным управлением полиции штата, минуя местную деревенщину. Набирать номер не потребовалось; как только Фил снял трубку, ему тотчас же ответил дежурный:

– Экстренная служба полиции. «Америка», что у вас там случилось?

Фил уже полностью совладал с собой.

– У нас в торговом центре стрельба. Насколько я могу судить, боевиков двое – нет, трое, во всех главных пассажах. Я не могу рассмотреть, кто они, но у нас массовая паника. Мне срочно нужна помощь. Кто-то даже расстрелял Санта-Клауса.

– А может быть, это просто учебная тревога? Или у вас снимают кино?..

– Нет, нет, все происходит по-настоящему, черт побери, люди падают, течет кровь... – В голосе Фила зазвучали истеричные нотки.

Дежурный понял, что дело серьезное, а может быть, трубку взял другой полицейский, более опытный.

– Оставайтесь у себя в диспетчерской, – сказал он. – Мы немедленно направляем к вам людей. Нам нужно, чтобы вы наблюдали за мониторами. Вы меня слышите?

– Я вас слышу, – подтвердил Фил.

У него за плечами было добрых пятнадцать лет службы в полиции Сент-Пола, и ему уже приходилось бывать в чрезвычайных ситуациях. Несколько успокоившись, он повернулся к своему заместителю.

– Предупреди всех наших людей, чтобы безоружные не пытались задержать преступников. Их просто перестреляют. Господа, у нас нет оружия, у нас...

– Фил, я связался с отделением полиции штата в Индиан-Фолс, они направляют сюда патрульные машины, люди звонят по 911, к нам со всех сторон спешат полицейские.

– Это самая настоящая задница, – пробормотал Фил.

И тут же, со спокойствием настоящего профессионала, столкнувшегося с критической ситуацией, он взял наушники с микрофоном, надел их, подключился к консоли и обратился к своим людям, рассеянным по всему комплексу:

– Вызываю всех. У нас ситуация «десять тридцать два», вооруженный человек, возможно, не один. Повторяю, «десять тридцать два», вооруженный человек, возможно, не один, была стрельба. Ни в коем случае не пытайтесь задержать вооруженных боевиков, вы только сами пострадаете. Если возможно, уведите посетителей с линии огня, оказывайте медицинскую помощь, направляйте людей к открытым выходам. Я привожу в действие план эвакуации «А». Местная полиция уже извещена о случившемся, к нам спешит помощь. Ну же, ребята, не подведите, делайте свое дело, держитесь. Помощь прибудет в самое ближайшее время, кавалерия спешит на подмогу со всех сторон и...

Раздался негромкий хлопок, словно кто-то открыл упакованную под вакуумом консервную банку, и в помещении полностью вырубил электричество. Наступила крошечная тьма, через считанные мгновения сменившаяся тусклым красноватым заревом аварийного освещения. Однако огромный плазменный экран, еще совсем недавно переливавшийся всеми красками как свидетельство торжества немецкой технической мысли, остался черным, все мониторы системы наблюдения отключились, радиосвязь лежала брюхом кверху. Система бесперебойного питания почему-то не пришла на выручку, и утешительных звуков исправно работающей техники как и не бывало.

– Это еще что такое, твою мать? – воскликнул Фил.

И он не был единственным. Все шестеро человек, находившиеся в диспетчерской, разом принялись ругаться, тыкать кнопки, щелкать тумблерами, стучать по экранам, трясти наушниками, кричать в микрофоны.

– Успокойтесь, *успокойтесь же!* – рявкнул Фил.

Его подчиненные быстро взяли себя в руки.

– Эти ублюдки проникли в систему безопасности, – пробормотал кто-то. – Полностью нас отрезали!

– Ну хорошо, хорошо, – сказал Фил, – сохраняйте спокойствие, нам еще только паники не хватало.

– Двери заперты, твою мать, – сказал кто-то.

Какое-то время все сидели молча в окружении погасших мониторов видеонаблюдения, мертвых систем связи, отключившихся кондиционеров. Горячий спертый воздух вызывал тошноту. Они в ловушке. В запертой клетке. Спрятанные в дверях мощные электромагниты получили от МЕМТАК-6.2 команду наглухо перекрыть все выходы, используя всю силу ферромагнитных сплавов, преодолеть которую можно было только направленным взрывом.

– Проклятье! – воскликнул вдруг кто-то. – Чувствуете этот запах?

Да, этот запах почувствовали все. Через вентиляционную решетку было только что подброшено какое-то химическое вещество. Воздух наполнился ароматом свежескошенного сена. Этот аромат напомнил Филу ферму в Айове, на которой он вырос, и он тут же вспомнил давно забытый семинар в полицейской академии, прослушанный двадцать с лишним лет назад, где говорили, что запах свежескошенной травы или сена указывает на присутствие вещества под названием «фосген».

Это был отравляющий газ.

«Только взгляните на этих белых баранов, разбегающихся во все стороны», – подумал Асад.

О, как они бежали! Что это были за люди? У них не было ни капли мужества, их сердца нельзя было сравнить с сердцем льва, они не ведали веры в Аллаха. Хлопок выстрела – и они бросились бежать.

– Какие трусы! – заметил Асад Салиму.

Задача Салима заключалась в том, чтобы прикрывать тыл. Он был этому совсем не рад. Это было так несправедливо. Разве он не такой же хороший боец, как Асад, а может быть,

даже лучше? Разве он вместе с братьями из «Хизбуль-ислама» не сражался в пустыне под городком Вабра с предателями из «Аль-Шабаба»? Разве он не жег их дома, не расправлялся с мужчинами, не угонял в концентрационные лагеря женщин и детей? Все это он делал, хвала Аллаху, да будет с тобой мир, брат мой.

Однако сейчас Салиму приходилось прикрывать тыл, в то время как этот подлец Асад автоматом славил имя Аллаха. Треск выстрелов вспарывал воздух, затем отражался отголосками от мерзких стен этого уродливого храма безбожной веры, с ее обнаженными женщинами в окнах, ее соблазнами, ее...

Но тут появился человек в белой рубашке, стоя на каком-то безумном мотоцикле, установленном торчком. У него на голове был шлем, и определенно, он был вооружен, потому что черные провода вели к наушникам у него в ушах, таким же, какие были у того иранского советника в пустыне под Ваброй, руководившего операцией, который и привел Салима и его братьев к победе над осквернителями истинной веры из «Аль-Шабаба».

Автомат был наготове, прижатый к плечу, и Салим, ощутив прилив торжества и радости, сделал одиночный выстрел, наслаждаясь драмой, разыгранной малышом «калашниковым». Сквозь нечеткое пятно вырвавшейся из дула вспышки он увидел, как на груди врага расцвело темное пятно, и неверный рухнул, растянувшись безжизненной кучей без какого-либо изящества, словно его ноги мгновенно превратились в сырую глину. Значит, вот как они умирают, да? Без достоинства и мужества, как забитый на бойне скот.

– Асад, я убил одного! – восторженно произнес Салим.

– Ха! – усмехнулся его товарищ. – Я убил уже многих.

И все же, ужаленный похвальбой, прозвучавшей в голосе Салима, Асад решил, что ему нужно убить еще кого-нибудь, чтобы поддержать свое лицо. Поэтому он выбрал в стаде одну корову и выстрелил. Она была крупная, чернокожая, как и сам Асад, но слишком медлительная и неповоротливая, потому и оказалась в хвосте убегающей толпы. Однако сегодня Асад не знал пощады. Автомат с грохотом дернулся у него в руках, выплевывая горячую латунную гильзу, и хотя Асад не видел, куда попала пуля, негритянка тяжело плюхнулась, точно большое подстреленное животное. Рядом с ней упали еще двое, мужчина и ребенок, но мужчина тотчас же вскочил на ноги, поднял ребенка, и они побежали, оставляя скользкие кровавые дорожки, по которым их легко можно было проследить. Асад перевел взгляд на свою жертву. Негритянка лежала в расплывающейся луже крови, ее жирное лицо обмякло, а рядом с ней на коленях стоял маленький мальчик, оплакивающий свою убитую мать, поскольку он не знал, что сегодня пощады никому не будет.

– Мы уьем всех! – торжествующе воскликнул Асад, наслаждаясь сладострастным ароматом пороховых газов и отдачей малыша «калашникова», чувствуя, как по всему его телу разливается сознание того, что он делает богоугодное дело.

Толпа устремилась прочь от него с еще большей прытью, если такое было возможно, все эти матери, дочери, отцы и сыновья Запада, все до одного, проклятые Аллахом и обреченные вечно гореть в огне, а он, Асад, служил исполнителем воли Аллаха, ее живым воплощением на земле. О, как все это было созвучно его представлениям о конце света – масштабы происходящего, бесконечная ярость, кровь, его собственная неумолимая беспощадность. Асад чувствовал себя небесным ангелом, которого господь послал очистить землю от тех, кто не желает покориться истинной вере. Его распирало от счастья. Уже сегодня он будет сидеть рядом с Аллахом, ощущая его тепло и милость, и получит любых девушек, каких только пожелает. И самый хороший момент: необязательно будет умирать, чтобы насладиться сексом. Ему пообещали живую западную девушку.

Асад решил отпраздновать это, расстреляв магазин женской одежды. Развернувшись к огромной витрине, он начал часто нажимать на спусковой крючок. Малыш «калашников» заплясал у него в руках, изрыгая адское дыхание пламени, дыма и стреляных гильз. Стекло

покрылось пробоинами, затем разлетелось дождем лихорадочных блесков, а за ним манекены, одетые в то, что порядочная женщина прячет под буркой и показывает только своему мужу, под градом пуль раскололись и повалились в облачках белой пыли. В это мгновение Асаду казалось, что он расстрелял сам Запад, со всеми его искушениями, распущенностью, похотью и манящими соблазнами. Ему вспомнился стриптиз-клуб в Торонто, в котором он как-то побывал и также захотел расстрелять. Однако тогда ему объяснили, что нужно сдерживать свою ярость до того момента, когда можно будет дать ей волю.

Но тут по рации раздался суровый властный голос.

– Эй, вы, двое, – строго произнес имам, – мы видим вас на телевизионных экранах. Асад и Салим, верно? Вам было приказано не отвлекаться и не уничтожать имущество, бесцельно расходуя ограниченный запас патронов. Это не игра, это серьезная мученическая операция. Отнеситесь к ней серьезно, иначе вам в ней не место. А теперь все мальчишки, слушайте внимательно. Вы мученики, а не бандиты. Задача заключается в том, чтобы согнать всех в центр и держать там под прицелом оружия. Ни в коем случае нельзя уступать искушению и поддаваться синоминутным порывам. Коран это запрещает. Сура двадцать третья, стих одиннадцатый: «Узнай мудрость старших».

Во всем торговом центре «Америка» началось настоящее безумие. Люди в отчаянии метались из стороны в сторону, пытались подчиниться, бежать, спрятаться. Их мысли были сосредоточены только на одном: остаться в живых. Однако при этом они не теряли свои человеческие качества, а некоторые вели себя просто героически. Подростки в проклепанных черных куртках и с многочисленными серьгами во всех частях тела помогали пожилым женщинам. Молодые чернокожие парни из уличных банд помогали белым сторонникам республиканцев. Официанты-гомосексуалисты помогали спортсменам-старшеклассникам. Пожилые белые мужчины помогали молодым белым девушкам без каких-либо непристойных мыслей, по крайней мере в настоящий момент. Сомалийские бабушки помогали скандинавским бабушкам, и те отвечали им тем же. Упавших детей поднимали и вели вперед совершенно незнакомые люди. Врачи спешили к раненым, стараясь остановить кровотечение без повязок, своими собственными телами закрывая их от пуль. Подростки-эльфы, подручные убитого Санта-Клауса, успокаивали объятых паникой родителей, а одна даже бросилась к девочке, которую сбили с ног в давке, подняла ее и отвела... на самом деле идти было некуда, но девушка отвела малышку к ее кричащей матери, потерявшей ребенка. Никто никого не отталкивал, никто не топтал упавших, торопясь спастись сам. Никто не совершил грех «я должен остаться в живых любой ценой», заслуживающий наказания. Здесь, в этой зоне смерти, проявилось мужество не только мужчин, но и женщин. Но в конце концов всем не оставалось ничего другого, кроме как сесть на пол под дулами боевиков и надеяться на то, что те хотя бы на какое-то время насытились кровопролитием.

Однако в этом всеобщем движении осталась одна неподвижная фигура. Это был щуплый парень возраста от восемнадцати до двадцати пяти, который спокойно стоял у ограждения галереи четвертого этажа, взирая сверху вниз на парк развлечений из глубины пассажа под названием «Колорадо».

Он был в джинсах, выпущенных на стоптанные туристические ботинки, толстовке с надписью «ГАРВА-Д» (вторая буква Р стерлась после многочисленных стирок) и старенькой бейсболке, развернутой козырьком назад. По цвету кожи и правильной форме носа можно было предположить, что под бейсболкой скрывается копна светло-соломенных волос, и эта догадка была бы правильной. Скрестив ноги, парень стоял, опираясь на перила. У него был такой вид, будто он наблюдал за бейсбольным матчем, парадом или каким-то другим увлекательным зрелищем. В его мышцах, скрытых одеждой, не было ни напряжения, ни шока, ни страха – ничего, кроме полной расслабленности зрителя.

Парень прекрасно разбирался в том, что происходило у него перед глазами. Он с любопытством отметил, что боевики, действовавшие в пассаже «Рио-Гранде», оказались самыми агрессивными и первыми выгнали свое стадо в центральную часть «Америки»; в то же время толпы из «Колорадо» и «Гудзона» появились практически одновременно, столкнувшись и устроив давку. И наконец, показались отстающие из «Миссисипи», и этим беднякам повезло меньше всех, поскольку лучшие места оказались к этому времени уже заняты, и им пришлось довольствоваться периферией, где они оказались ближе всего к распаленным убийствами вооруженным боевикам, рискуя малейшим движением вызвать их недовольство и получить за это пулю.

Затем парень переключил свое внимание на кресло в середине, в котором сидел убитый Санта-Клаус. С высоты четвертого этажа он с трудом мог разглядеть изуродованное пулей лицо и брызги крови на атласе кресла. И все же парень нашел нечто причудливое и забавное в том факте, что этот бесконечно знакомый символ был мертв, окончательно и бесповоротно. Это зрелище многое компенсировало. Хотелось надеяться, что кто-нибудь его сфотографирует, потому что в этом образе было сказано все. Знакомый и обыденный, он тем не менее был доверху наполнен смыслом, что делало его образчиком спонтанного искусства.

Парень мысленно представил себе картинку на коробке: «Мертвый Санта-Клаус», рождественское побоище в торговом центре, видеоигра только для игровых приставок «Сони». Очень смешно, черт побери.

Игра началась.

*От 15 часов 20 минут
до 16 часов 00 минут*

Стрельба прекратилась. Рей лежал вместе с Молли и другими женщинами в дальнем зале магазина женской одежды «Фредерик» на втором этаже. Вокруг стояли женские торсы, усеченные выше шеи и ниже бедер, облаченные в купальники, кожаные корсеты, трусики, лифчики, однако никто не находил в этом ничего даже отдаленно смешного. За дверями магазина никого не было.

– О господи, – простонала одна девушка. – Господи, господи, господи, я не могу поверить, что это происходит...

– Я не хочу умирать! – подхватила другая женщина. – У меня дети. Я не могу умереть. Этого не должно случиться!

– Пожалуйста, милые дамы, – сказал Рей, – я тут не специалист, но будет гораздо лучше, если вы помолчите и возьмете себя в руки. Сокрушаться о том, как все это несправедливо, можно будет потом.

– Он прав, Филлис, – подхватил кто-то. – Заткнись. Радуйся тому, что Милта с детьми здесь нет.

– Я пришла сюда, чтобы купить Милту подарок на день рождения, черт побери! Он *должен был* быть здесь!

– Наверное, это какой-то извращенец с пистолетом, – заметила другая женщина. – Полицейские его быстро схватят. Как вы думаете, мистер, его схватят?

– Насколько я могу судить, стреляли из разного оружия, – сказал Рей. – Вот что меня тревожит.

– Я никак не могу дозвониться своему мужу. Мне нужно с ним связаться, но телефон...

– Сеть перегружена, – остановил ее Рей. – Все находящиеся в торговом центре, кто еще жив, пытаются позвонить домой. Пожалуйста, будет лучше, если вы сейчас не станете забивать себе этим голову. Просто постарайтесь расслабиться и успокоиться. Я не слышал выстрелов на верхних этажах. Похоже, все сосредоточено только внизу, так что постарайтесь успокоиться, и, по большому счету, это будет к лучшему.

– Если мы просто останемся здесь лежать, эти люди поднимутся сюда и нас убьют.

– Если бы они просто хотели устроить бойню, стрельба бы продолжалась. А сейчас я схожу на разведку и посмотрю, что к чему. Оставайтесь здесь, не поднимайтесь с пола. Не проявляйте ненужного любопытства.

Молли подозвала Рея к себе.

– Мои мать и сестра остались внизу, – сказала она.

– Дай я взгляну, что там происходит, – вполголоса ответил Рей. Затем, уже громче: – Здесь есть управляющий или продавец?

К нему подползла молодая женщина.

– Управляющая у нас миссис Ренфелс, но она в очень плохом состоянии. Меня зовут Роза. Я здесь работаю.

– Послушайте, Роза, мне нужно узнать все о камерах видеонаблюдения, установленных в центре. Они есть везде? Если я выскользну из магазина, а кто-то смотрит на мониторы, он меня увидит? Возможно, террористы завладели системой безопасности. Это был бы логичный первый шаг.

– Я не знаю, есть ли камеры в коридорах, понимаете? Я хочу сказать... дело в том...

– Роза, сядьте. Сделайте глубокий вдох. Никакой спешки. Все будет замечательно.

– Хорошо. Камеры в основном установлены на пересечениях, и они направлены вдоль пассажей. То есть они не установлены через каждые двадцать пять шагов, вот что я имею в виду. Когда нас принимали на работу, нас провели по всему комплексу, и я побывала в диспетчерской. Картинки на мониторах такие, что детали рассмотреть нельзя, понимаете? Пассаж длинный, в нем много мест, погруженных в тень. Я бы не поднималась во весь рост. Если вы встанете, а кто-то смотрит на монитор, вас сразу же обнаружат.

– Отлично, просто отлично, – Рей задумался. – Ладно, – сказал он наконец, – я выползу отсюда и постараюсь оценить, что происходит. Уважаемые дамы, пожалуйста, оставайтесь здесь. Как правильно заметила Роза, если вы попытаетесь бежать, вас сразу же увидят.

– Рей, что ты собираешься делать? – спросила Молли.

– Ну, наверное, для начала надо порыскать вокруг. Не могу же я просто здесь сидеть.

– Рей, ты *можешь* просто сидеть здесь. Последуй своему же собственному совету. Оставайся здесь. Жди. Помощь обязательно придет.

– Все это я уже тысячу раз слышал во всяких дерьмовых местах. И помощь никогда не приходила. Я только выскользну отсюда и посмотрю, что к чему. А вы, милые дамы, сохраняйте спокойствие.

Рей медленно прополз вперед. Он осторожно высунул голову в дверь. Коридор был пуст, хотя повсюду виднелись следы поспешного бегства: брошенные сумки и пакеты, опрокинутые коляски, в некоторых магазинах были разбиты витрины. Рей не увидел ни трупы, ни стреляные гильзы. Но затем он услышал стоны, гомон голосов, звуки, которые издает толпа. Шум доносился из просторного атриума, открытое пространство которого было огорожено перилами. Уму непостижимо, но по-прежнему звучала веселая рождественская музыка, а в парке развлечений продолжали беспощадно мигать праздничные огни. Нет, это была не безмолвная ночь, а шумный день.

Рей осмотрел коридор в обе стороны, но ничего не увидел. Все говорило ему вернуться назад в магазин. Забаррикадировать двери. Переждать. Боевиков не может быть много, уже сейчас правоохранительные органы откликнулись по полной, скоро произойдет штурм, а когда разразится буря, лучше будет находиться где-нибудь подальше.

«Твою мать! – мысленно выругался Рей. – Я полагал, что навсегда покончил с этим дерьмом». В него много стреляли, очень много, и по большей части он ничего не имел против. Это было неизбежно, именно так он выражал свою необычную, могучую, в чем-то даже определяющую способность всаживать пулю туда, куда хочет, из любого положения,

с любого расстояния, под любым углом и из любого оружия. Вот что делало его невидимой тенью по имени Снайпер. Другие активно использовали эту его способность, главным в жизни стал для него успех задания, каким бы оно ни было, и кто бы его ему ни поручил. И вот теперь Рей знал, что все это уходило глубоко в прошлое, через многие поколения людей, наделенных такими же способностями, кто в большей, кто в меньшей мере, но все они неизменно обладали сверхъестественным, скорее всего, аутистическим (а как еще это объяснить?) чутьем совмещать мушку и цель, порой обходясь даже без мушки.

Но... сейчас? Здесь? Рей рассчитывал, что наконец вернулся домой, навсегда освободившись от войны, однако война последовала за ним, и он понял, что не свободен. Только что ему поручили новое задание, и хотя у него ныли кости, а дыхание вырывалось тяжелыми спазмами, Рей чувствовал себя обязанным перед... ну, он разбирался в своем долге лучше, чем в тех силах, которые этот долг породили. Поэтому он двинулся дальше.

И снова, проверив коридор и не заметив никаких признаков движения, Рей осторожно выбрался за дверь и пополз вперед. Он держался у самой стены, рассудив, что это зона теней, и если только кто-то внимательно не следит за изображением, поступающим с одной определенной камеры, установленной в доброй сотне футов дальше по коридору, на пересечении с другим коридором, то все будет в порядке. Рей прополз мимо нескольких магазинов и понял, что там также находятся люди. Ловкие, везучие, сильные, молодые успели к выходам и выбрались на улицу.

Рей увидел впереди балкон, а за ним скопление всевозможных аттракционов, закрученные в сумасшедшие кольца рельсы, горки, желоб с водой, крутящиеся двухместные качели. Шум снизу усилился. Нужно было выяснить, что там происходит.

Рей скользнул вперед еще на несколько шагов, к самому краю балкона, на мгновение поднял голову, быстро посмотрел вниз и тотчас же снова спрятался.

Проклятье!

Первым делом, разумеется, в самом центре парка мертвый Санта-Клаус, восседающий на своем залитом кровью троне, уронив голову набок, неподвижный, словно сама земля. Он был настоящим властителем смерти. Вокруг его величества, уныло рассеявшиеся вдоль дорожек, пересекающих парк во всех направлениях, скопились не меньше тысячи человек, сбившихся в плотную кучу. Большинство из них находились в состоянии шока. Рей сразу же догадался, что произошло. Вооруженные боевики двинулись от краев, стреляя направо и налево. Убив много человек, они добились мгновенного, проникнутого ужасом повиновения и погналы посетителей торгового центра вперед, собрав их в парке развлечений. Тысяча заложников, среди опор и столбов «русских горок», под огромным стеклом высоко вверху в форме озера Мичиган. У Рея не было возможности присмотреться внимательнее, но он предположил, что заложники окружены боевиками. По два боевика на пассаж, всего как минимум восемь человек, команда на каждую «реку» в этой причудливой топографии торгового центра: «Колорадо», «Гудзон», «Рио-Гранде» и «Миссисипи».

Низко пригибаясь, Рей пробрался вдоль ограждения балкона так, чтобы его не было видно снизу, и высунулся еще раз, чтобы посмотреть на боевиков. Казалось, он увидел свой кошмарный сон: небрежные позы, вульгарные пестрые арабские платки, свободно обмотанные вокруг шей, но в остальном джинсы, толстовки и кроссовки. У всех были «калашниковы» той или иной модификации, но с такого расстояния и за такое малое время Рей не смог определить, что это, «АК-47» или «АК-74». Боевики держали автоматы с дерзким изысканием молодых борцов за веру, произвольно подражая человеку с телеэкранов, которому поклонялись столько лет, сознавая, насколько грозно они смотрятся. Стройные, сексуальные, безликие, смертельно опасные: воины Востока, пришедшие на Запад убивать.

И Рей увидел, какую кашу они заварили. Его рассудок, привыкший к тактическому мышлению, сразу же оценил ситуацию. Те, кто успел укрыться на верхних этажах, так и

будут там оставлены; они слишком напуганы, чтобы спуститься вниз, и, по сути дела, останутся за скобками уравнения. Молодые, шустрые, храбрые: им удалось бежать, они словно одержимые промчались мимо боевиков, выскочили на улицу в выходы первого этажа, поднялись наверх, нашли другие способы выбраться из центра или надежно спрятаться. Кто же остался? Слабейшие из слабых, самые незащитные среди незащитных. Старика. Маленькие дети. Отцы и матери, привязанные к своим детям.

Боевики готовы были открыть огонь при первых же признаках штурма. Даже одиночными выстрелами, а слух подсказал Рейю, что «калашниковы» переведены на полуавтоматический огонь, они смогут убить сотни человек, в то время как их братья будут сдерживать штурмовые группы у входа в пассажи в течение еще нескольких минут. Подняв взгляд, Рей увидел над собой окна в крыше, имеющие очертания озер. Похоже, пока что там никого не было, однако в любой момент на крыше могли появиться снайперы. Смогут ли они стрелять сквозь толстое стекло? Скорее всего, нет. Для того чтобы добиться хоть какой-то эффективности выстрелов, им придется сначала разбить стекло, а это полностью сведет на нет элемент внезапности. Армейский спецназ, ребята из «Дельты» или «Морские коты», смогут разбить стекло и спуститься вниз на веревках, однако все это время они будут представлять собой прекрасные мишени, при этом не имея возможности стрелять вниз из опасения задеть мирных граждан. Конечно, рассудил Рей, они могут просто накатывать волна за волной, как морские пехотинцы на Иводзиме⁷, однако подобное самопожертвование во имя высшей цели давно вышло из моды. Помимо всего прочего, оперативники такого уровня подготовки в настоящий момент находились в основном далеко за морем; где власти Миннесоты, даже при содействии ФБР, смогут быстро найти таких людей? А все происходящее указывало на то, что кто-то тщательно спланировал причинить максимальный вред за кратчайшее время.

Как вспомнил Рей, нечто подобное устроили в России чеченцы. Кажется, они захватили театр, не так ли? Сотни заложников, обилие взрывчатки, множество боевиков, попасть внутрь невозможно. Российские власти применили отравляющий газ. Однако газ сыграл злую шутку, и, хотя чеченцы были выведены из строя, погибла половина заложников. Американцы ни за что не пойдут на подобный риск. А поскольку среди заложников так много стариков и детей, чья дыхательная система уже изношена или еще не сформирована окончательно, применять отравляющий газ будет вдвойне опасно. И кто сказал, что у боевиков нет противогазов? Похоже, все остальное у них имеется.

«Твою мать», – подумал Рей. Внезапно он почувствовал себя им. *Им?* Да, им, тем самым типом, как там его, Вельзевулом, Люцифером или как еще, уродом, который все это задумал. Рей мысленно представил его себе, разновидность Усамы бен-Ладена, вероятно, прожившего в Америке, знающего все слабые и уязвимые места американцев, человека, обладающего особым злобным умом и огромной, да сгорит в аду его проклятая душа, изобретательностью. Он продумал все досконально, чтобы удар получился как можно более сильным, жертв было как можно больше и все это получило максимальный резонанс. Время и место были выбраны идеально: здесь будут исключительно мирные граждане, в самом начале самого главного праздника Запада. Этот человек знал, кто станет заложниками, где наиболее эффективно расставить своих людей; он обладал стратегическим и одновременно тактическим даром. Рей знал, что происходящее уже попало в сводки мировых новостей, и во всех уголках земного шара умные головы пытаются определить, что это означает. Ни о чем другом нигде больше не говорили.

⁷ **Иводзима** – остров в северо-западной части Тихого океана. В феврале – марте 1945 года во время ожесточенных боев за взятие этого маленького острова площадью всего 8 кв. миль погибло более пяти тысяч американских морских пехотинцев.

«С каким удовольствием я поймал бы этого подонка в перекрестие прицела», – подумал Рей.

Молли посмотрела на скользнувшего в дверь Рея.

– Ты видел мою мать и Салли? – спросила она.

– Нет, у меня не было времени. Уважаемые дамы, слушайте внимательно, я расскажу вам то, что, на мой взгляд, будет лучше всего.

Рей быстро изложил все то, что ему удалось узнать, оценил ситуацию, рассказал о том, с какими трудностями придется столкнуться правоохранительным органам.

– Как быстро они придут на помощь? – спросила одна из женщин.

– Боюсь, скоро это не произойдет. Нужно будет собрать сюда лучших людей, получить подробный план торгового центра, затем попытаться обойти систему безопасности, которую, вполне возможно, уже захватили террористы, и разработана-то она была лучшими специалистами как раз для того, чтоб никого сюда не пускать. Нужно будет выработать оптимальный план действий. Помимо всего прочего, террористы, возможно, выдвинут какие-то требования, что еще больше осложнит ситуацию. Судя по всему, это профессионалы, и операция была хорошо продумана. И поверьте, никто не станет торопиться принимать решения, которые могут привести к гибели тысячи мирных людей. Так что я сразу же предупреждаю: вам следует приготовиться к долгому ожиданию. Не надо рассчитывать на то, что все быстро закончится.

– Значит, нам остается просто сидеть здесь?

Рей повернулся к молодой продавщице Розе.

– Роза, что насчет служебного выхода?

– В задней части каждой секции проходит грузовой коридор. По нему нам завозят товар.

– И куда он ведет?

– Ну, грузовой лифт спускается в подвал, где находятся склады и терминалы.

– Первым делом террористы наверняка отключили лифты. Что насчет лестницы?

– Да, лестница есть.

– Мы сможем бежать, воспользовавшись лестницей! – радостно воскликнул кто-то.

– Нет, не совсем. Понимаете, я думаю, что сейчас террористы не собираются уделять особое внимание верхним этажам. Но пройдет время, и они, возможно, направят отряды наверх, чтобы собрать тех, кто там спрятался, и согнать их вниз, к остальным. Чем больше заложников у них будет в руках, тем более сильной будет их позиция на переговорах. Так что я бы поднялся на один этаж вверх, на третий этаж, и укрылся бы там. Потому что, когда боевики придут за нами, один отряд начнет сверху и будет двигаться вниз. А другой поднимется на второй этаж и двинется вверх. Поэтому в долговременном плане этаж посередине будет самым безопасным. К тому же если начнется штурм, возможно, кто-то из террористов отступит сюда, тогда здесь начнется стрельба, и поверьте мне, лучше будет оказаться подальше от этого места. Я понятно объясняю?

Послышались одобрительные возгласы, и Рей отметил, что женщины воспрянули духом от предложения заняться чем-то, что повысит их шансы на спасение. Все, кроме Розы.

– Роза, в чем дело?

– Еще когда только началась стрельба, мне пришла в голову та же самая мысль. Я выбежала в грузовой коридор и попробовала выйти на лестницу. Понимаете, все дверные замки в здании управляются компьютером. Кто-то их заблокировал. Мы взаперти.

– А двери прочные?

– Ну, не такие прочные, как наружные. Те стальные, обитые железом. Но и эти тоже прочные, из толстого дерева, и нужно будет добрый час колотить ногой, чтобы выбить замок. Или стрелять в него.

Рей ничего не сказал, но уже понял, что это означает. Да, это подтверждало его предположение о том, что террористам каким-то образом удалось завладеть компьютером, управлявшим всеми функциями торгового центра. Они централизованно заперли все двери, полностью взяв комплекс в свои руки.

Он внимательно изучил параметры ССИКУ, выведенные на его собственные мониторы программой МЕМТАК-6.2, и быстро проверил все ключевые моменты.

БЛОКИРОВКА ДВЕРЕЙ – ВКЛЮЧЕНА

ЛИФТЫ – ОТКЛЮЧЕНЫ

ЭСКАЛАТОРЫ – ОТКЛЮЧЕНЫ

Тут никаких сюрпризов. Достаточно было только войти в систему, и тогда сразу же становились понятны ее структура, лежащие в ее основе предпосылки, гений технической мысли немецких инженеров из «Сименса», их методичная дотошность, проявляющаяся в том, как они стряхивают со стола крошки от бутерброда и надраивают до блеска краны в ванной.

Он продолжал смотреть на монитор, изучая экосистему обширной империи.

КОНДИЦИОНЕРЫ – РАБОТАЮТ

КОНТРОЛЬ ТЕМПЕРАТУРЫ – 72 ГРАДУСА

РАСПЫЛИТЕЛИ СИСТЕМЫ ПОЖАРОТУШЕНИЯ – ВКЛЮЧЕНЫ

СИСТЕМА ОСВЕЩЕНИЯ ЛЮМИНЕСЦЕНТНЫМИ ЛАМПАМИ – ВКЛЮЧЕНА

ИСПРАВНОСТЬ ПРЕДОХРАНИТЕЛЕЙ ЗОНЫ ЗЕТ – 100 ПРОЦЕНТОВ

ЭЛЕКТРОПИТАНИЕ – СТАБИЛЬНОЕ

САНТА-КЛАУС – МЕРТВ

Нет, нет, последняя строчка на самом деле отсутствовала, но он любил черный юмор и мысленно добавил ее, одновременно размышляя над тем, на что еще можно было бы употребить свое могущество. Поскольку этой сети принадлежали еще десятки других торговых центров в Соединенных Штатах и Канаде, также управляемые через ССИКУ посредством программы МЕМТАК, и все они были связаны между собой, он мог запросто при желании устроить настоящий ад, запретив принимать кредитные карточки, сведя с ума кассовые аппараты, заблокировав входы и выходы, остановив лифты, приказав автоматам кока-колы по всей стране призывать покупать пепси... Честное слово. Но на самом деле главным было не это. Главной была... игра.

И напоследок, основное блюдо.

СЕТЬ ИНТЕРНЕТ – ОТКЛЮЧЕНА

Ха. Я слышу, как вы стучитесь в дверь, но войти не сможете.

Ну, на самом деле один способ войти внутрь оставался. Любопытно будет посмотреть, хватит ли у кого-нибудь ума додуматься до этого.

– Я не могу войти внутрь, – растерянно пробормотал компьютерный специалист полиции штата Миннесота. – Кто бы это ни был, он полностью отключил систему от сети. Она наглухо запечатана изнутри. Я перепробовал все обычные поисковые программы и ничего не смог добиться. Это самый настоящий сейф.

– А вы продолжайте работать, – сказал Дуглас Обоба, недавно назначенный начальник управления полиции штата. – Уверен, вы меня не подведете.

Последние слова полковник Обоба произнес с особой теплотой. «Уверен, вы меня не подведете». В этом заключался особый подход Обобы, известный пока только узкому кругу

людей, но в скором времени, возможно, с ним предстояло познакомиться многим. Полковник обладал даром воодушевлять своих подчиненных, заставляя их поверить, сначала в себя, затем в свое задание, потом в общую программу, составной частью которой было это задание, и наконец, в административное подразделение, все это объединявшее. Вот почему Обоба стал в свои сорок четыре года самым молодым главой полиции штата, да к тому же еще и чернокожим. Эта новость явилась общенациональной сенсацией.

– Сэр, нам нужны более хитрые программы и более опытные программисты. Все это есть у федералов; возможно, они нам помогут.

– Я все понимаю, – сказал Обоба, – поэтому федералы уже в пути. Если мы будем работать рука об руку, дело будет сделано с минимальными потерями.

Он говорил с убежденностью человека, знающего правду.

Да и разве могло быть иначе? По сути дела, успех Обобы был предопределен. Сын выходца из Кении, аспиранта Гарварда, и студентки антропологического факультета Университета Рэдклиффа, он окончил юридический факультет Гарвардского университета и там же защитил диссертацию. Однако вместо того, чтобы пойти к американской мечте, какой бы он ее себе ни представлял, проторенным путем, Обоба поступил в управление полиции Бостона простым патрульным полицейским. Правда, его быстро взяли в отдел расследования убийств, и он стал его лицом в нескольких громких делах, показав себя сладкозвучным оратором, остроумным, излучающим некую ауру просвещенного служителя закона, что очень способствовало смягчению расовой напряженности в таком сложном городе, как Бостон.

Несмотря на то, что Обоба не раскрыл ни одного дела лично, не задержал ни одного подозреваемого, не участвовал ни в одной перестрелке, не возглавил ни один рейд, ни разу не давал показаний в суде, – через пять лет он ушел из бостонской полиции и стал ведущим следователем в подкомиссии Сената по расследованию правонарушений в государственных органах, где личный авторитет сделал его звездой, и на него обратили внимание уже на общенациональном уровне. Многие предлагали ему идти в политику, уверяя, что у него есть дар.

Однако Обоба отвечал, что он полицейский, и рьяно продолжал исцелять Америку прогрессивной правоохранительной политикой. Канула в прошлое эпоха выбивания показаний и принудительных признаний; наступили новые дни уважения ко всем и вся.

Обоба быстро поднялся до должности помощника комиссара управления полиции Балтимора, затем возглавил полицию Омахи, хотя его мало волновали заснеженные долины вдалеке от центральных средств массовой информации. Однако те продолжали уделять ему внимание, и он трижды прославился на всю страну, больше, чем какой-либо другой полицейский чиновник, в 2008, 2009 и 2010 годах. И вот наконец большой шаг, в главы управления полиции штата Миннесота, с обещанием поднять ее на уровень XXI века, сделать следственный отдел лучшим в стране и свести к рекордному минимуму количество жертв на дорогах. Пока что этого не случилось, и даже ни одна еще из поставленных целей не была достигнута, однако трудно было поставить это в вину человеку, которому приходилось бороться со старыми порядками и обычаями. Средства массовой информации любили Обобу за его старания. Каким-то образом он попал на обложку журнала «Нью-Йорк таймс», став героем хвалебной статьи, написанной Дэвидом Банджаксом.

И вот сейчас его первый настоящий кризис. Обоба понимал, что ситуация с торговым центром «Америка» катастрофическая. Первые сотрудники чрезвычайных служб, откликнувшиеся на вызов, столкнулись с самым настоящим кошмаром, попытавшись приблизиться к комплексу. Им навстречу устремились тысячи посетителей, в основном на машинах, полностью блокировав движение вокруг, так что подъезжающие полицейские только усилили общее смятение. Тем временем донесения с места событий оставались отрывочными. Служба безопасности центра не отвечала на вызовы и после первого сообщения о

случившемся больше не выходила на связь. Телефонная сеть была перегружена тысячами звонков на номер 911, которые были вариациями на тему «В торговом центре террористы, вооруженные пулеметами» или «Я потеряла в толпе свою бабушку, помогите мне найти мою бабушку».

Бабушке придется подождать, если она еще не убита.

Однако Обоба также осознавал, что перед ним открылась потрясающая возможность, что можно было в определенном смысле считать ниспосланным даром. Он снова окажется в свете общенациональных юпитеров, и его решения, его руководящая роль – решимость в сочетании с осторожностью, твердость и сострадание, красноречие и мудрость – будут у всех на виду. Обоба не переставал повторять, что честолюбие тут ни при чем; все дело в том, чем он был одарен свыше. Даров было предостаточно; следовательно, теперь настал час расплачиваться по счетам.

– Знаешь, – шепнул ему на ухо по дороге к торговому центру его давнишний советник и наставник Дэвид Ренфроу, – такой шанс выпадает немногим. Эту возможность мы должны схватить за горло.

Обоба и его ближайшее окружение, включая мистера Ренфроу, сидели в полицейском штабном автобусе, стоящем на шоссе напротив громады торгового центра. Они находились приблизительно на месте Бермудских островов, ярдах в двухстах пятидесяти от Среднеатлантических штатов, строго на восток от них.

Полковник уже принял несколько организационных решений: один заместитель поддерживал связь с прибывающими местными отрядами спецназначения, распределяя людей по периметру торгового центра. Однако Обоба запретил пытаться проникнуть в комплекс и ввязываться в бой с преступниками. Ситуация оставалась совершенно неопределенной; было неясно, что происходит, кто эти люди и чего хотят. Меньше всего нужна была беспорядочная перестрелка между вооруженными до зубов спецназовцами и также вооруженными до зубов террористами в окружении мирных граждан. Погибнут сотни людей. Но Обоба также понимал, что внутри раненые истекают кровью, кому-то плохо с сердцем, нарастает всеобщая тревога, родители отделены от детей, родственники разлучены друг с другом, кто-то прячется по магазинам, кто-то объят паникой, кто-то, возможно, замышляет самостоятельно сразиться с боевиками.

Второму заместителю было поручено обеспечить связь, объединить всех в одну сеть и организовать поступление информации.

– От федералов никаких новостей?

– Из Миннеаполиса с сиренами быстро едет небольшая группа. Федеральный спецназ еще не готов. Отряд быстрого реагирования собирается в Квантико, но оттуда лететь три часа, а потом еще придется добираться из аэропорта. Так что на это потребуются какое-то время. Господин полковник, мы будем врываться внутрь? У всех выходов уже наготове бойцы в бронезилетах. Может, лучше не тянуть время? По сообщениям, внутри много раненых. Им нужна медицинская помощь.

– Ага, – пробормотал полковник.

Черной тенью навис вопрос о юрисдикции. Согласно федеральному закону, в любой ситуации, подходящей под определение «терроризм», ФБР забирало бразды правления в свои руки. Однако то, что происходило в торговом центре «Америка», до сих пор оставалось неясным: несмотря на сообщения о похожих на террористов безжалостных боевиках, это могла быть какая-то военизированная группировка белых экстремистов, какое-то ответвление НСА⁸, кучка озверевших безумцев, увешанных оружием. В этой стране от правых можно

⁸ **Национальная стрелковая ассоциация (НСА)** – организация, объединяющая производителей и пользователей огнестрельного оружия, отчаянно противится любым попыткам ввести ограничения на свободу хранения и ношения оружия.

ожидать все, что угодно, особенно здесь, в провинциальной глубинке на Среднем Западе, где люди цепко держатся за оружие и религию, горько проклиная изменившуюся Америку, и в глубине души по-прежнему верят в старые порядки.

– Полковник, – вмешался Ренфроу, – нельзя допустить, чтобы здесь заправляло ФБР. Людям из Вашингтона тут делать нечего. И на то есть веские причины: им труднее координировать свои действия со здешними правоохранительными органами, место для них незнакомое, они не имеют доступа к информации из первых рук. К тому же не надо забывать и о соображениях политики. Вашингтон захочет вмешаться, но ты должен его сдерживать.

– Знаю, знаю, – сказал Обоба. – У меня есть идея.

Идея полковника заключалась в том, чтобы использовать ФБР как инструмент проведения следствия. Пусть федералы допрашивают свидетелей, проверяют базы данных, собирают отпечатки пальцев; еще им предстоит связаться с УАТО⁹ относительно баллистических экспертиз. Работы для них будет предостаточно. Но Обоба не собирался ни в коем случае уступить им общее руководство. Это возьмет на себя он и только он.

– Ни о каком штурме не может быть и речи, – объявил Обоба своим заместителям. Я не собираюсь докладывать губернатору о том, что в его штате произошла самая кровопролитная бойня в истории Америки. Оцепите периметр, соберите врачей и санитаров, держите прессу в курсе, потому что мы обязаны правдиво информировать население о происходящем, и попытайтесь установить с этими людьми контакт. Должны же они чего-то хотеть, и я уверен, что, если мне представится возможность, я смогу на них повлиять.

– А может быть, они просто хотят перебить как можно больше народу? – предположил кто-то. – Может быть, чем дольше мы ждем...

Это был Майк Джефферсон, еще один заместитель, командир отряда специального назначения, человек от природы агрессивный. Он трижды вступал в перестрелки с преступниками и выходил победителем. Джефферсон мог стать занозой в заднице. Обоба опасался его, поскольку не доверял таким людям: мускулистым, гордящимся своим телом, со здоровенными ручищами, покрытыми татуировкой, чуть что готовый схватиться за оружие. Он знал, что, если дело дойдет до оружия, начнется настоящее безумие, и никто не сможет сказать, в какую сторону пойдут рикошетом пули. Сам он *ни за что* не возьмется за оружие. С другой стороны, сокращать подчиненных было не в его натуре.

– Майор Джефферсон, это вы совершенно правильно заметили. Поэтому я хочу, чтобы вы занялись составлением плана штурма и были к нему немедленно готовы. В настоящий момент я считаю, что нам нужно дождаться прибытия федеральных сил, после чего мы проанализируем ситуацию и оценим все варианты действий. Но нельзя исключать худший сценарий развития событий, и это ваша задача.

Джефферсон понял, что под внешним «да» скрывается категорическое «нет». Проворчав что-то себе под нос, он отступил в сторону.

– Майк, двери заперты изнутри, – сказал кто-то. – Для того чтобы просто начать штурм, потребуется одновременно выбить пятьдесят дверей, а у нас для этого нет ни оборудования, ни взрывчатки. Такое есть только у федералов.

– Этого нет даже у федералов, по крайней мере в их конторе в Миннеаполисе, – сказал Джефферсон. – Свяжитесь с губернатором, пусть даст разрешение вызвать Национальную гвардию. Кажется, в Национальной гвардии Миннесоты есть часть особого назначения? Наверное, у этих ребят должен быть опыт. Также надо будет связаться с Министерством юстиции и, возможно, с Министерством обороны. Не исключено, что нам потребуется армейский спецназ.

⁹ Управление алкоголя, табака и огнестрельного оружия (УАТО) – федеральное ведомство, осуществляет контроль за производством и продажей алкогольных напитков, табачных изделий и огнестрельного оружия.

– Майор, потребуется несколько часов, а то и дней, чтобы доставить сюда армейский спецназ.

– Подъезжает группа особого назначения из Миннетонки. Куда их направить? – спросил один из радистов.

– На мой взгляд, у нас слабые позиции в «Калифорнии», – сказал заместитель, отвечающий за общую координацию действий. Его задача заключалась в том, чтобы размещать различные подразделения, распределять между ними зоны ответственности, следить за тем, чтобы они не дублировали друг друга, а также обеспечивать всех тех, кто находится на передовой, едой, кофе, одеялами и прочими необходимыми вещами.

– Пусть займут позицию у входа в «Калифорнию», – сказал Обоба, после чего снова вернулся к своей главной теме, следуя основной теории управления, гласившей, что поставив подчиненным задачу, нужно повторить ее снова, а как только закончишь, повторить еще раз. – Никаких контактов, никаких инициатив, пусть держатся подальше от комплекса. Их задача в том, чтобы обеспечивать медицинской помощью тех, кому удалось выбраться, а не разыгрывать из себя героев. Меньше всего нам нужны герои. А сейчас давайте устроим краткую пресс-конференцию. Нам нужно начать выдавать информацию. Мистер Ренфроу, вы готовы?

– Готов, сэр, – подтвердил Ренфроу.

Трудно было сказать, кто умер первым – миссис Голдбайн от инфаркта или мистер Граффик от ранения в спину. Определенно, смерть 67-летней женщины получилась гораздо более шумной. Несчастная схватила себя за грудь и захрипела, время от времени кашляя. Сидевшая рядом девушка, эмигрантка из Сомали, работавшая официанткой в ресторане торгового центра, взяла ее за руку, стараясь успокоить. Лицо миссис Голдбайн стало пепельно-серым. Поднявшись с пола, официантка в отчаянии подняла руку, привлекая внимание одного из боевиков. Тот начал проталкиваться сквозь толпу со знакомой заносчивостью вооруженного человека среди безоружных.

– Этой женщине очень плохо, – сказала ему официантка по-сомалийски.

– Ей не повезло, – усмехнулся парень.

– Она умрет, – настаивала девушка.

– Значит, так определил Аллах, сестра. Не связывайся ты с этими белыми дьяволами. Все они умрут рано или поздно. А если будешь со мной ласкова, может быть, я избавлю тебя от смерти.

– Ступай к такой-то матери! – ответила девушка по-английски.

Рассмеявшись, парень направился прочь.

– Что он сказал, что он сказал? – захотели знать сидевшие поблизости заложники.

Девушка решила не передавать им слова боевика.

– Он говорит, что ему все равно. Он мнит себя господом богом. Скоро ему придется разочароваться.

Склонившись над миссис Голдбайн, она увидела, что все уже кончено. Несчастная умерла.

В другой части толпы мистер Граффик лежал на руках у своей жены. Он принял на себя пулю, которая предназначалась ей. Пуля попала в нижнюю часть спины и вначале не вызвала сильного кровотечения и даже не причинила особой боли. Пошатнувшись, мистер Граффик продолжал подталкивать жену перед собой в безумной толчее по направлению к центральной части комплекса не потому, что там было спасение. Спасения не было нигде. Но закон наименьшего сопротивления погнал этот поток внутрь.

Мистер Граффик лежал на спине, устремив взгляд на расположенные на высоте четвертого этажа окна в потолке в форме Великих озер. Он не был человеком религиозным, ибо

ежедневные восемьсот миль в кабине магистрального грузовика не располагают к духовной стороне жизни; при том он никогда не задерживался в одном месте настолько долго, чтобы у него возникала мысль пойти в церковь. Если мистер Граффик и поклонялся кому-то, то своей богине – жене.

– Не сдавайся, – возбужденно прошептал он.

Он знал, что такое война, не понаслышке: 1-я дивизия морской пехоты, Вьетнам, 1965–1966 годы, медали «Пурпурное сердце» и «Серебряная звезда».

– Джерри, – постаралась успокоить его жена, – просто лежи спокойно.

– Милая, послушай. Эти ублюдки ни в коем случае не должны увидеть твои слезы. Не дай им... Не дай им никакого удовлетворения. Когда я умру, сохрани каменное лицо и ничего не показывай. Помнишь, как меня застукали в борделе в Огайо? Ты тогда со мной целый год не разговаривала. Дорогая, вот это была выдержка. Знаю, в тебе это есть. Ты покажешь этим подонкам, какая ты сильная, и пусть они тебя боятся.

– Пожалуйста, Джерри, пожалуйста...

Она сидела в расплзающейся алой лужице. Мистер Граффик истекал кровью, и теплая жидкость из его тела, промочив платье жены насквозь, капала на пол.

– Господи, как же я тебя люблю, – прошептал мистер Граффик и затих.

Неподалеку от них мужчину по имени Чарльз Дуган беспокоило волнение в кишечнике, с которым он ничего не мог поделать. Ему было стыдно. Одно дело – просто умереть, другое дело – умереть в штанах, полных дерьма. Он не подозревал, что недержание среди заложников является распространенным делом, потому что средства массовой информации предпочитали обходить стороной этот деликатный вопрос. Однако когда большое количество народу удерживают вместе помимо воли, отсутствие санитарных удобств быстро дает о себе знать, и эту печальную биологическую реальность приходилось принимать как должное.

Чарльз Дуган поднял руку. Один из боевиков приблизился к нему, грубо расталкивая заложников.

– Мне нужно в туалет, – пробормотал Чарльз.

– Дрищи в штаны, – усмехнулся парень, отворачиваясь прочь.

И, к своему стыду и ужасу, Чарльз Дуган именно так и поступил.

– Извините, – виновато обратился он к сидящей рядом девушке.

– Ничего страшного, – ответила Салли Чан. – Все в порядке.

Их было по меньшей мере тысяча, сидящих на выложенных плиткой проходах парка развлечений, подобрав под себя ноги и уронив головы. Над ними возвышались всевозможные горки и карусели, к этому времени уже остановившиеся. Абсурдные сооружения в данных обстоятельствах выглядели еще более нелепыми, но никто в толпе не обращал внимания на иронию соседства с захватывающими дух аттракционами, когда на тебя направлены дула автоматов. К тому же был еще мертвый Санта-Клаус, восседающий в своем кресле, скривившийся, со сползшей на ухо шапкой, уронивший голову набок под таким углом, который может вынести только мертвец, а на атласной обивке кресла краснели брызги крови, разлетавшиеся из входного отверстия пуль. Из громкоговорителя доносилась веселая песенка про звон рождественских колокольчиков, но никто не обращал на нее внимания.

Вооруженные боевики разгуливали по периметру, иногда пинками прокладывая себе дорогу в толпе, чтобы разобраться с какой-либо проблемой. Их лица оставались равнодушными, однако автоматы зловещего черного цвета, с перфорированными газоотводными трубками и изогнутыми магазинами, внушали ужас. Почти все видели такие по телевизору и знали, что это оружие не имеющей ничего человеческого категории безжалостных террористов, к какой определенно принадлежали их хозяева.

Время от времени бандиты подходили друг к другу, о чем-то переговаривались и громко смеялись. Или один из них исчезал в недрах торгового центра и возвращался, скажем, с засахаренными яблоками или жареной картошкой, и все принимались есть. Боевики обильно поглощали кока-колу и буквально разграбили кафе парка аттракционов, забирая молочные коктейли и сосиски в тесте. Один из них надел ковбойскую шляпу, натянув ее поверх головного платка, и все обзавелись новыми джинсами и кроссовками.

Кто ими командовал? Казалось, предводителя не было, однако движения боевиков не были случайными и более или менее подчинялись строгим законам: каждая пара держалась в своем квадранте периметра, держа автоматы направленными на сидящих людей. Заложники постоянно находились под прицелом, пальцы боевиков лежали на спусковых крючках. К тому же большинство заложников было убеждено в том, что террористы вооружены «пулеметами», и одного нажатия на спусковой крючок достаточно, чтобы выпустить веер пуль, которые будут косить людей пачками. Одной этой мысли уже хватало, для того чтобы все тихо сидели на полу.

Здесь не было места героизму. Любой массовый натиск на боевиков исключался вследствие невозможности скоординировать действия, а также сознания того, что это тотчас же приведет к массовой гибели. В воздухе все еще висел запах порохового дыма. Он был чем-то вроде гормона трусости, душившего на корню любые попытки к действию. Пойти на дула автоматов означало бессмысленную смерть, в то время как за стенами торгового центра рассредоточивались спасатели и военные.

Никки Свэггер подумала, что с воздуха торговый центр чем-то напоминал бристольский автодром. Огромное нелепое сооружение, выросшее на голом месте, своей странной формой автоматически затрагивало струнки патриотизма и самопожертвования у всех, кто смотрел на него с высоты. Комплекс был опутан сетью шоссе, ведущих к нему со всех окрестностей. Сейчас он напоминал автодром в день гонок: суета, суета, суета. Со всех сторон подъезжали машины, извергающие иллюминацию, которая озаряла вечерние сумерки хаотическим узором красно-синих вспышек. Из машин выскакивали деловитые люди в черном, быстро занимавшие позиции в укрытии. Вся картина пульсировала энергией, целеустремленностью, сосредоточенностью, высоким уровнем подготовки и сложным тактическим замыслом, однако не происходило ровным счетом ничего. Целая флотилия красно-белых карет «Скорой помощи» и прочих машин чрезвычайных служб собралась на одной из стоянок. За кольцом сцепления все шоссе были полностью забиты, и прибывающим отрядам правоохранительных органов приходилось бороться с пробками, прокладывая себе дорогу к торговому центру.

В наушниках Никки услышала голос Марти, ведущей в студии:

– Никки, великий Обоба устраивает брифинг.

– Не сомневаюсь, первый из многих.

– Он ничего толком не сказал, только то, что какие-то неизвестные захватили заложников, была стрельба, есть раненые, часть посетителей была эвакуирована из торгового центра.

– Ха, – усмехнулась Никки, – а кто этого не знает? Обоба назвал какие-либо временные рамки?

– Он только сказал, что к месту стягиваются полицейские со всего штата, федералы также подключаются, однако ситуация по-прежнему остается неясной. Никаких сведений о числе пострадавших, никаких временных рамок, никаких заявлений о позиции властей, ничего, кроме обычной пустой брехни «полтинника»¹⁰.

¹⁰ «Полтинник» («50», «5-0») – жаргонное название полиции, перешедшее в обычную речь (по названию популярного телесериала «Гавайи 50» о работе гавайской полиции).

Никки знала, что такое «полтинник», – она на протяжении пяти лет освещала работу полиции Бристолья, штат Вирджиния. Однако этот Обоба был такой брехун, каких еще поискать. Красивый, обаятельный, он быстро запоминал имена журналистов, знал, какие телекамеры и освещение используются, и умел сам наносить себе на лицо грим. Никки шутила: «Для полицейского он знает о гриме больше, чем кинодива».

Но она понимала, что происходящее сейчас важно не только для честолюбивого Обобы, но и для нее самой. Поработав некоторое время в корреспондентом газеты города Кейп-Корал, штат Флорида, Никки устроилась в редакцию новостей телестудии WFF в Сент-Поле. Этот сенсационный материал мог открыть перед ней дорогу в общенациональную телесеть, в Вашингтон или даже Нью-Йорк.

Никки взирала на происходящее с высоты две тысячи футов, находясь на борту вертолета телестудии, прозванного «страхолетом», потому что все боялись на нем летать. Обычно вертолет направляли на место дорожных аварий, но сейчас под управлением капитана Тома за штурвалом он кружил над торговым центром, а сзади Ларри Соумс и Джим Диль работали с телекамерами, отправляя изображение в студию, а оттуда на весь район большого Миннеаполиса. Никки надеялась, что сегодня Том не прикладывался к бутылке, и проклинала морскую пехоту Соединенных Штатов, в которой он когда-то служил, потому что именно благодаря этому Том устроился в телестудию, так как директор тоже в прошлом служил в морской пехоте. При этом Никки предпочитала не заострять внимание на том, что и сама имела некоторое отношение к морской пехоте, через своего отца, вследствие чего, по всей видимости, она и получила эту работу. По большому счету, телестудия представляла собой форпост морской пехоты на холодном севере Среднего Запада.

– Никки, я бы предпочел подняться еще на пару тысяч, – сказал капитан Том. – Оставаться так низко опасно.

Никки показалось, что он как-то неестественно комкает слова, однако полной уверенности у нее не было.

– Том, давай задержимся здесь еще чуток. Нам нужна хорошая картинка для эфира, а с большой высоты будут видны только размытые огни. Наши зрители должны *видеть* это проклятое место.

– Никки, я согласен с Томом. Если мы здесь грохнемся, то это уже будет сюжет чьего-то другого сенсационного репортажа. Тебе это вряд ли понравится, – это был Ларри, тот из телеоператоров, что постарше. Он знал, какая хрупкая и ценная штука жизнь, хотя Никки еще не осознала в полной мере эту истину.

Но зато она терпеть не могла уступать кому-либо другому свой сюжет: за яростное стремление биться до конца, наводящее ужас на многих, в телестудии ее прозвали «Мери Тайлер Мор из преисподней»¹¹.

Выглянув из иллюминатора, Никки увидела флотилию, толпу, густую тучу вертолетов других телестудий, кружащихся на той же высоте над страной Америкой и над одноименным торговым центром. Это было очень рискованное занятие; летчикам приходилось постоянно опасаться восходящих воздушных потоков, а также порывов ветра, дующего со стороны прерии, поэтому они старались держаться в добрых трехстах футах друг от друга; с другой стороны, все хотели получить в кадр главный приз, штабной автобус полиции штата, стоящий в нескольких сотнях ярдов к востоку от комплекса в окружении полицейских и других официальных машин, у южного входа в торговый центр с его знаменитой вывеской «Америка», установленной на высоте четвертого этажа, со схематическим изображением очертаний комплекса.

¹¹ **Мор, Мери Тайлер** (род. 1934) – американская актриса, прославилась участием в телесериале «Шоу Мери Тайлер Мор», в котором она сыграла роль скандальной тележурналистки из Миннеаполиса.

– Ребята, еще несколько секунд, – приказала Никки. – Марти, у тебя хорошая картинка?
– Лучшая из лучших, Никки, но ты пока что не спеши умирать. Если будет нужно принести себя в жертву ради рейтингов, мы дадим тебе знать.

– Ха-ха, – делано рассмеялась Никки. – Ну хорошо, уходим отсюда...

– Кажется, к нам гости, – сказал капитан Том, выводя всем в наушники радиоканал авиационной экстренной связи.

– Говорит штаб полиции. Я прошу все вертолеты телестудий подняться на высоту три тысячи футов и не спускаться ниже. Наш вертолет подлетает к комплексу, я хочу, чтобы вы не пугались под ногами, иначе может случиться авария.

– Эй, кажется, наконец что-то произойдет, – сказал Джим, тот телеоператор, что помоложе, более энергичный.

– С такой высоты мы ни хрена не увидим, – пробормотала Никки. – Ларри, какой у тебя объектив? Нельзя ли будет приблизить картинку?

– Только за счет значительного ухудшения разрешения. Получатся пластмассовые игрушки на лужице пролитого горохового супа. Впрочем, никто ничего не получит.

– Проклятье! – выругалась Никки. – Ладно, все равно давай.

У нее внутри все оборвалось, так как капитан Том, преодолевая силу земного притяжения, быстро направил вертолет вверх, и комплекс стал удаляться, уменьшаясь в размерах. С высоты он выглядел особенно одиноким: раненая «Америка», по расчлененным артериям которой светящаяся кровь пульсировала навстречу багровому закату.

Это было так странно – ощущение близости к трагедии. Вот они, бодрые и веселые, зависли на высоте три тысячи футов над комплексом, а внутри разыгрывается страшная драма жизни и смерти. Никки со своими собратьями по ремеслу находилась здесь, чтобы видеть все воочию и рассказывать другим, однако речь шла о настоящей жизни и настоящей смерти, и в этом не было ничего чистоплейского и мелодраматичного. И разумеется, все понимали, что если они поработают хорошо – как там говорилось в том старом фильме? – «Наверное, я могу смело утверждать, что вас ждут медали, новые звания и благодарности в личные дела!».

И тут Никки увидела.

Подоспевшую кавалерию? Не совсем.

– И это все? – недоуменно спросил Джим.

– Определенно, это не штурм, – сказала Никки.

Это был лишь одинокий «Белл Джетрейнджер» полиции штата, который поднялся со стоянки и полетел к торговому центру, мигая огнями.

– Они что, собираются напугать бандитов шумом? – спросил Ларри.

Вертолет, раскрашенный в желто-коричневые цвета полиции штата Миннесота, подлетел прямо к комплексу и завис в шести футах над крышей. Шестеро молодых парней в черном выпрыгнули из него и распределились по краям окна в форме Великих озер, расположенного в крыше как раз над центральным атриумом.

– Всего шестеро парней? – спросил Джим.

– Это не парни, – поправила Никки. – Это снайперы.

От 16 часов 00 минут

до 17 часов 04 минуты

– Ты там особенно не увлекайся! – крикнул кто-то весело специальному агенту Джеффри Нилу.

Нил был одним из светлых голов, технарей, которые работали в здании Центрального управления ФБР имени Гувера, не зная в жизни почти ничего, кроме компьютера. Он умел вскрывать любые замки, проникать в любые тайники – неуловимая тень в ночном киберпро-

странстве. Поговаривали, что если он не облажается по-крупному, то возглавит отделение, однако это просто не могло не случиться, поскольку ребята с таким коэффициентом интеллекта, как у него, рано или поздно обязательно на чем-то прокалывались: кто влюблялся в проституток, кто пристращался к наркотикам, кто приходил к выводу, что с ним выходят на связь древние греки с помощью щетки для волос «Греческая формула», – что-нибудь такое же саморазрушительное, по какой-то причине неизменно притягивающее к своему смертоносному огню именно умников.

– Ха-ха, – усмехнулся за своей занавеской Нил.

Этот занавес полностью скрывал его второй компьютер, подключенный к Интернету. Рядом стоял другой компьютер, не скрытый занавесом и не подключенный к Интернету, и эти два компьютера с двумя мониторами заполняли крохотный закуток Нила в отделении компьютерных исследований огромного административного здания на Пенсильвания-авеню. Занавес, скрывающий детку, подключенную к Всемирной паутине, защищал ее от любопытных взглядов, являясь верхом политкорректности, ибо необходимо было нырнуть за него и лишь в обстановке полной секретности погрузиться в очень специфическую преисподнюю под названием «детская порнография».

По этим долгам приходилось платить, даже если ни у кого не возникало желания.

Но Нилу оставалось еще отрубить три месяца из шести, в течение которых он должен был отработать в группе борьбы с детской порнографией. Это означало, что каждый вечер он возвращался домой, чувствуя себя использованным презервативом. Его собственная сексуальная жизнь, и до того невыразительная, была уничтожена. Чего только не делали люди с детьми! Мерзкие черви, поселившиеся у них в голове, заставляли их изобретать все новые изощренные виды пыток, надругательств, унижений, поз. Нилу хотелось просунуть руку сквозь экран и раскроить черепа ублюдкам – и не только жирным белым ребятам лет сорока, но и поразительно красивым людям всех рас, возрастов, демографических групп, самым обычным на вид людям, даже весьма незаурядным, – чтобы они жалобно скулили, истекая кровью в сточной канаве. Но он продолжал упорно работать, сознавая, что в конце...

– Эй, Нил, проснись, срочный вызов от самого высокого начальства. В Миннеаполисе захватили торговый центр, и нужно проникнуть в компьютерную систему, – это был его начальник, доктор Боб Бенсон.

– Системой завладели преступники? – спросил Нил.

– Похоже на то. Тысяча заложников, торговый центр наглухо заперт, местная полиция не смогла в него проникнуть. Сам догадайся, кому это разгрести.

– Я все понял, – сказал Нил.

– Живо поднимайся наверх для краткого инструктажа, затем спускайся сюда и принимайся за работу. Это дело такое горячее, что аж дымится. Детской порнухе придется немного обождать.

Нил быстро встал и направился к двери. Но затем он обернулся, схватил занавес, скрывавший навязанную ему мерзость, и сорвал его. Этот жест был сродни тому, как герой Джона Уэйна¹² в фильме «Искатели» отбрасывает кобуру своего ружья при виде пылающего ранчо. Он означал, что Джеффри Нил идет воевать не на жизнь, а на смерть.

По пути к торговому центру Уилл Кемп непрерывно разговаривал по телефону с Вашингтоном. Тема: политика. Тон: неприятный. Реальность: угнетающая.

¹² Уэйн, Джон (настоящее имя Мэрион Майкл Моррис) (1907–1979) – американский актер, снялся более чем в ста пятидесяти фильмах, наибольший успех принесли роли сильных личностей – ковбоев, военных, героев вестернов. В 1950–1960 годах считался эталоном американского патриотизма, его имя стало символом стопроцентного американца и супергероя.

– Тебе предстоит разыграть все это как нельзя лучше, – говорил помощник директора Ник Мемфис. – Он ни за что не согласится отдать общее руководство, если ты пойдешь наперекор, он будет взывать к средствам массовой информации, а те от него без ума, сам знаешь.

– Черт побери, так как же мне поступать? – спросил Кемп.

– Я бы не стал его задирать, – сказал Ник. – Пусть сам придет к тебе. Он будет вынужден прийти к тебе.

– Уж лучше он придет ко мне, черт побери, – пробормотал Кемп, глава отделения ФБР в Миннеаполисе, ветеран различных правоохранительных ведомств. В частности, у него за плечами была долгая служба в Техасе, в УАТО и управлении по борьбе с наркотиками, стоившая ему огнестрельного ранения в ногу. – Он ни хрена не смыслит в нашем деле.

И это была правда. Полковник Дуглас Обоба в действительности не сделал ровным счетом ничего. Его карьера была обусловлена исключительно умением появляться в нужном месте, произносить речи, получать награды, после чего подниматься на следующую ступень. При этом очень кстати были великолепные отношения с прессой, установленные благодаря таланту советника Дэвида Ренфроу, который занимался этим уже много лет, в разное время поддерживая главу нью-йоркской полиции и комиссара полиции Сан-Франциско. Обоба познакомился с Ренфроу, когда оба работали в комиссии Сената, и с тех самых пор с ним не расставался.

– Только никому этого не говори, – посоветовал Ник. – Держи все при себе. Во всеуслышание ты любишь и уважаешь его, как и все в Бюро. Он «тот самый», и нам это известно.

– Та еще задница, – пробормотал Кемп, и оба поняли, что он имел в виду.

По Вашингтону усердно ходили слухи, что следующим высоким назначением Дугласа Обобы станет пост директора ФБР: первый чернокожий на этой должности, самый молодой из всех, кто когда-либо ее занимал. Поэтому и Мемфис, и Кемп понимали, что любые их решения, принятые сегодня, в будущем, возможно, лягут на них тенью, если им придется работать под началом этого человека.

– Господин помощник директора, если я увижу, что он ставит под угрозу жизнь людей, я вынужден буду действовать. *Вынужден буду*. Вы же понимаете, всему есть свой предел.

– Послушай, быть может, наши страхи преждевременны? Быть может, ситуация не так плоха, как нам кажется, или же она разрешится мирно, без применения силы, и все разойдется по домам без единой царапины. Если же случится худшее, в полиции штата Миннесота есть толковые люди, которые помогут ему советом.

– Вот только послушает ли он их?

Три модифицированных «Форда Рейнджера», черных и с тонированными стеклами, под пульсирующий красно-синий ритм подкатили к штабному полицейскому автобусу.

Первым выскочил Кемп, в черном бронежилете «Номекс», с пистолетом-пулеметом МП-5 на груди и пистолетом «глок» 40-го калибра в кобуре под мышкой. Из семерых остальных человек трое были вооружены так же, но четверо снайперов начали выгружать из багажников джипов большие неуклюжие кофры с винтовками.

– Специальный агент Кемп, я удивлен, что вы захватили с собой так мало людей, – сказал Обоба, облаченный в полное снаряжение. За ним неотступной тенью следовал Ренфроу.

– Полковник Обоба, я вызвал на место всех своих людей. Но добраться сюда не так-то просто. Остальные подъедут в самое ближайшее время.

– Все понятно, – сказал Обоба. – А теперь позвольте вкратце ввести вас в курс дела. Я поручил майору Джефферсону разработать план штурма. Майор Кармоди занимается снабжением, Майор Неймайер обеспечивает взаимодействие с медиками. Переговоры с боевиками я возьму на себя. Но, разумеется, нам потребуется провести следственные действия,

и именно здесь, на мой взгляд, Бюро сможет внести максимальный вклад. Я решил передать Бюро все следственные действия – опрос свидетелей, сбор вещественных доказательств, проверку криминальных баз данных и все остальное.

– Сэр, не сомневаюсь, вам известно, что согласно федеральному закону Бюро обязано взять на себя все преступления, связанные с терроризмом.

– Разумеется, тут вы абсолютно правы, – широко улыбнулся Обоба, кладя свою большую руку на плечо Кемпу. Высокого роста, он возвышался над своим окружением, и было в нем что-то такое чарующее, что нельзя было его не любить, даже расходясь с ним во мнениях. – Но, полагаю, вы согласитесь, что ситуация еще не прояснилась, и мы не можем точно сказать, с кем имеем дело. Оперативная информация пока что не позволяет утверждать об иностранном участии – если не брать в расчет ничем не подкрепленные слова о каких-то платках, похожих на арабские. Уверен, вы согласитесь, что этого еще недостаточно для принятия решения. Это может быть просто группа каких-нибудь сумасшедших. Поскольку я уже организовал своих людей, полагаю, будет целесообразнее, если я и дальше продолжу осуществлять общее руководство. Естественно, если появятся новые доказательства, проясняющие ситуацию, я с радостью пересмотрю свое решение. Но, конечно же, вы понимаете и, уверен, согласны со мной, что главное – это не делить полномочия, а работать сообща. Не сомневаюсь, вы сможете плодотворно нам помогать.

– Да, сэр. Надеюсь, вы готовы слушать советы моих людей. У нас достаточно много опыта в подобных делах.

– Ну конечно, специальный агент Кемп. Более подробно вас проинструктирует майор Кармоди, и, если у вас будут какие-либо соображения, мы с радостью их выслушаем. Но позвольте сразу же решительно заявить, что я не собираюсь начинать штурм. Даже с учетом ваших людей сил у меня недостаточно, нет точной оценки ситуации, не хватает снаряжения. Мы попросили губернатора выделить подразделение Национальной гвардии, чтобы оно обеспечило оцепление периметра, и тем самым высвободятся наши спецназовцы, которых можно будет задействовать для других целей.

У Кемпа возникло подозрение, что вероятность задействования спецназа «для других целей» где-то между нулевой и абсолютно никакой; однако он сохранил лицо по-чиновничьи бесстрастным, чему учит долгая работа на государственной службе.

– Не надо вам объяснять, что к чему, – продолжал Обоба. – Оцепить периметр, установить контакт с боевиками и начать переговоры. Время на нашей стороне. Они устанут, проголодаются, им станет страшно. Мы будем как можно дольше торговаться с ними относительно их требований. Если вас интересует мое мнение, я бы на вашем месте провентилировал вопрос в Министерстве обороны и выяснил, какие химические вещества нам смогут предложить, если до этого дойдет дело.

– Я так и сделаю, полковник Обоба. Кроме того, я захватил с собой нескольких очень хороших снайперов. Я хотел бы разместить их на крыше.

– Ну конечно же, и мы объединим силы с меткими стрелками полиции штата. Но меня предупредили, что окна на крыше очень прочные. Толстый плексиглас, вмурованный в бетон. Не представляю себе, как сквозь них проникнуть. Да, мы направим снайперов, но, разумеется, ни о какой стрельбе не может быть и речи, они должны понимать, что их основной задачей является наблюдение.

– Так точно, сэр, – сказал Кемп.

Рядом стоял лихой Майк Джефферсон, командир отряда особого назначения полиции штата. Его подход был другим, однако начальства над ним было гораздо меньше. К тому же он не сомневался в том, что если вылетит с этого места, то его репутация бойца спецназа, вступавшего в перестрелки с преступниками, позволит ему моментально снова устроиться на работу в любой точке Америки. Кстати, сам Джефферсон подумывал об Айдахо.

Однако сейчас его инстинкты бойца пылали огнем. Его точка зрения: взять комплекс штурмом, вступить с боевиками в перестрелку, и к черту неизбежные потери и проклятия прессы. Главное – перебить боевиков всех до одного. Он был Кастером¹³, готовым поспешить на звуки выстрелов. Джефферсон терпеть не мог болтуна Обобу, на его взгляд, олицетворявшего ту отрасль полицейской психологии, которая требовала специально подготовленных «переговорщиков», способных устанавливать теплые, близкие отношения с преступниками, ублажать их, сочувствовать их боли, способствуя мирному разрешению кризиса. Он не сомневался, что Обоба, как это уже было давно известно, не боящийся звуков собственного голоса, возьмет эту обязанность на себя. Но он также понимал, насколько хрупкая ситуация сложилась; ему уже приходилось быть свидетелем, как все разбивается вдребезги. Его подход заключался в том, чтобы избавить всех террористов от боли выстрелом в голову.

Но Джефферсон видел, что никто не желает слушать его соображения. Он был уверен в том, что боевики хотят лишь убивать. Вот что произведет наибольший шум. Если они убьют пятьсот человек сразу же после Дня благодарения во славу великого Аллаха и исламской веры – нет, пока что никаких подтверждений того, что это дело рук исламистов, – в торговом центре под названием «Америка», внешне похожем на Америку, это и станет их победой. Проклятье, они уже убили Санта-Клауса! Нет никаких оснований считать, что эта операция не является самоубийством, а самоубийство – мученичество, как предпочитают его называть эти любители поношаться с козами, – является неотъемлемой частью их образа мышления.

Сказать по правде, Джефферсон не должен был быть полицейским. Он должен был быть помощником шерифа из далекого прошлого, с шестизарядным револьвером вместо «зиг-зауэра» в кобуре на поясе, таким был его менталитет. Джефферсон жил полной жизнью только лицом к лицу с вооруженными преступниками, и его метод решения всех проблем сводился к силовому противостоянию один на один. Коллективизм никогда не имел для него особого значения, особенно с того дня, как он в возрасте двадцати одного года один столкнулся в банке в Сент-Поле с тремя вооруженными грабителями, лицом к лицу (точнее, лицом к трем лицам), вступил с ними в перестрелку, получил две пули 38-го калибра в левое плечо и левую руку, но завалил всех троих, двоих наповал, из своего собственного табельного оружия – это был день револьверов 38-го калибра. И с тех самых пор ничто даже близко не могло сравниться с теми мгновениями максимального риска. Джефферсон был прирожденным стрелком, только и всего; можно было его любить или ненавидеть, но таким ему было суждено оставаться до конца своей жизни, что, учитывая его характер и отсутствие страха перед чем бы то ни было, могло произойти совсем скоро.

– Майк, – крикнул ему другой майор, – у нас есть подробный план комплекса, только что получили его от строителей, возводивших здание! Приехал и один из инженеров.

– Тащи его сюда. Может быть, он знает какую-нибудь маленькую калитку, ведущую внутрь.

Тем временем Обоба и Ренфроу, отойдя в сторону, быстро переговорили друг с другом.

– Ты был на высоте, – похвалил своего подопечного Ренфроу. – Вежливый, спокойный, никакой ненужной бравады.

– Вот только этот чертов Джефферсон – он с самого начала является головной болью. Я чувствую, он мне не верит – не верил и не поверит никогда. Считает себя крутым, а меня – нежной барышней.

¹³ **Кастер, Джордж Армстронг** (1839–1876) – американский офицер, проявил себя в ходе Гражданской войны. Отличался личной храбростью, граничащей с безрассудством. 25 июня 1876 года в нарушение приказа со своим полком атаковал лагерь индейцев на р. Литтл-Бигхорн. Индейцы, имевшие многократное численное превосходство, перешли в контратаку и практически полностью уничтожили отряд Кастера, а сам он был убит.

Как бы мне хотелось сплавить его в Интернешнл-Фолс¹⁴, регулировать дорожное движение!

– Полковник, ты вел себя с ним прекрасно. Да, Джефферсон головная боль, как и все спецназовцы. «Убивайте всех без разбора, бог узнает своих»¹⁵. Но ты его укротил. Мой тебе совет: займи его чем-нибудь. Пусть суетится, подготавливает донесения, проверяет то и это. Не нужно, чтобы он торчал в штабе, сеял сомнения, вербовал сторонников. Пусть Джефферсон станет твоим мальчиком на побегушках, а ты побольше его хвали. Против этого оружия он не сможет устоять.

Салим то и дело посматривал на ту девушку-сомалийку в толпе. «Ступай к такой-то матери», – сказала она ему по-английски – единственная фраза, которую он знал. Ха-ха. Какой у нее дух! Горящие глаза, ровные белые зубы, пышная копна жестких волос. Из нее получилась бы замечательная жена. Интересно, сколько коз попросил бы за нее ее отец? Наверно, много.

Сидя в огромном торговом центре, положив малыш «калашников» на колени, туго обмотав лицо платком, с болтающимся в кобуре пистолетом, Салим позволил себе предаться мечтам. В этих мечтах отразилось его детство, которого у него не было. Вот он, сын вождя племени, кочующего в пустыне. Свирепый воин, он убивает и львов, и людей. Ему благоволят Аллах, и муллы единогласно утверждают, что ему предначертана великая слава. У него будет много жен, много наложниц и много коз. Он будет водить свое племя во многие победоносные сражения, и эта гордая африканская девчонка будет принадлежать ему.

На самом деле Салим родился в трущобе в Могодишо; его мать была уличной проституткой, отца своего он никогда не видел. Несколько лет он влачил существование грязной свиньи, довольствуясь объедками, стараясь выжить. Наконец, когда он стал достаточно взрослым, чтобы держать в руках «калашников», его взяли в военизированный отряд «Хизбуль-ислам» генерала Хасана Дахира Авейса. Это была его семья, такие же мальчишки, соратники по оружию, и беспощадные командиры, а также враги, которых нужно было безжалостно уничтожать во имя Аллаха.

«Ступай к такой-то матери!» – сказала эта девчонка! Какой дух, какая...

– Салим, по стеклянному блеску твоих глаз я вижу, что ты опять предаешься мечтаньям, – сказал сидящий рядом Асад. – Если имам перехватит такой взгляд, он побьет тебя палкой и отправит спать вместе с козами.

– Здесь нет никаких коз, – возразил Салим. – Это Америка. Здесь коз держат на улице. В этом прекрасном американском доме нет ни коз, ни козьего дерьма.

– Вот для чего мы здесь. Чтобы все это уничтожить и распространить волю Аллаха...

– И привести коз в дом, где их место!

Оба парня рассмеялись. Они сидели на скамейке в юго-восточной части парка развлечений, рядом с билетной кассой аттракциона «Сплав по горной речке», изогнутой трубы, заполненной водой, которая позволяла американцам насладиться восторгом стремительного спуска вниз в бурлящем потоке. Сейчас аттракцион опустел и успокоился. Со своего места парни не видели неприятного зрелища мертвеца в красном, восседающего на своем троне. Однако повсюду они видели объятых отчаянием американцев, притулившихся на корточках на полу. Первое время заложникам было приказано держать руки за головой, однако вскоре дисциплина ослабла.

¹⁴ **Интернешнл-Фолс** – городок на севере штата Миннесота, на границе с Канадой.

¹⁵ 21 июля 1209 года папские войска осадили городок Безье во Франции и потребовали выдать укрывшихся там пятьсот еретиков-катаров. Жители отказались, и тогда папские войска взяли Безье штурмом и перебили всех, кто в нем находился. Указанную фразу произнес папский легат в ответ на вопрос, как отличить еретиков от католиков.

Боевики сами еще были подростками: и их собственная дисциплина была далека от совершенства. Они должны были бдительно присматривать за пленниками, следить за тем, чтобы те не объединялись в группы и не замыслили восстание. Однако у американцев, похоже, начисто отсутствовал дух сопротивления, и они по большей части просто сидели, тупо уставившись перед собой. Салиму и Асаду уже приходилось видеть подобный безучастный ступор у жителей захваченной Вабры. Поэтому парни развлекались тем, что болтали, подшучивали друг над другом, посматривали на хорошеньких девушек, стараясь произвести на них впечатление юношеской бравадой, и утоляли голод в многочисленных заведениях быстрого питания, которыми изобилует опустевший торговый комплекс. Их нисколько не беспокоило то, что рано или поздно сюда непременно ворвутся солдаты и полицейские, начнется стрельба, и сами они, скорее всего, погибнут. Их жизнь была такой суровой, что в смерти будет мало боли.

Но вдруг в наушнике, который был вставлен в ухо и прикрыт платком, раздался треск. Это был имам.

– Ты, Асад, тебя так зовут, правильно?

– Да, имам, – встрепенувшись, подтвердил Асад.

– Ты помнишь, о чем мы с тобой говорили?

Это правда. У него было особое задание.

– Да, имам, – сказал Асад в микрофон, закрепленный у горла.

– Так вот, время пришло. Ты сможешь найти это место?

Асад все помнил. Второй этаж, северо-западный сектор, пассаж «Колорадо», К-2-145. Вот его цель. Имам отметил ее на красочной рекламной брошюре с планом этажей. По таким брошюрам Асад и его товарищи ориентировались в торговом комплексе.

– Смогу, имам, – сказал Асад.

– Хорошо, – сказал имам. – Настало время забрать детей.

Мистер и миссис Джирарди робко приблизились к полицейскому, стоящему в самом внешнем оцеплении торгового центра. Огромный комплекс виднелся вдали, похожий в сгущающихся сумерках на перевернутое корыто, окруженное полицейскими и пожарными машинами.

– Ребята, – остановил их полицейский, – сожалею, но дальше я вас пропустить не могу.

– Сэр, – жалобно произнес мистер Джирарди, – мы ищем нашего сына. Ему четырнадцать лет.

– Мы впервые разрешили ему отправиться в торговый центр одному, – подхватила миссис Джирарди. – Обычно сюда вожу его я или он ходит со своими друзьями. Но он хотел купить подарки на Рождество.

– Да, мэм.

– От него нет никаких известий. Может быть, нам самим ему позвонить?

– Он вам не звонил?

– Мы ничего не слышали. Мы знаем только то, что показали по телевизору.

– Нет, я бы вам не советовал звонить сыну, – сказал полицейский. – Возможно, он прячется или ранен – в общем, мало ли что может быть, вы ведь не знаете, в какой он ситуации. Так что, наверное, лучше дождаться, чтобы он сам вам позвонил.

– Есть какая-либо информация о том, что происходит внутри?

– Нет, сэр. Мы еще только развертываем наши силы и организуем взаимодействие. Ситуация жуткая, и никто точно не представляет, что делать. Если честно, потребуется несколько часов, чтобы разобраться в происходящем, и еще больше времени, чтобы получить какую-либо информацию. Не сомневаюсь, с вашим сыном все в порядке. Он молодой, он сильный, он ловкий.

– В том-то и дело, что не совсем. У него астма. Он очень худой и слабый.

– Ну... – растерянно произнес полицейский. – Тогда, наверное, вам лучше всего разыскать палатку Красного Креста. По-моему, ее разбили с западной стороны. Вы сможете там отдохнуть, и, если появится какая-либо информация, вы сразу все узнаете.

– Не надо было отпускать его сюда одного... – пробормотала миссис Джирарди. Она тяжело оперлась на руку супруга, и они прошли через оцепление.

Лавелва Оутс утихомирила рыжеволосого мальчишку.хлопот с ним было больше всего. Возможно, потому что волосы у него были рыжие, мальчишка постоянно требовал внимания к себе и притом постоянно задибался с другими детьми. Он все время приставал к маленькой девочке с азиатской внешностью, которая лишь молча сидела и начинала плакать, когда к ней обращались. Отвесить ему хорошую затрещину? Лавелве очень этого хотелось, но она понимала, что так нельзя. Работу в наши дни найти нелегко, а лупить этих чертовых детей здесь не принято.

– Так, девочки и мальчики, а теперь мы сыграем в новую игру, – весело сказала Лавелва. – Вам всем нужно будет прятаться от чудовища. Как только я скажу: «Чудовище!», вы все должны будете спрятаться. Мы притворимся, что вокруг бродят злые чудовища. Но они вас не заметят, и все будет в порядке. Мы вместе спрячемся от чудовищ.

– Это страшная игра, – испуганно произнес Роберт.

Лавелва знала, что его зовут Робертом, потому что у него на рубашке была приколотая бирка «РОБЕРТ 15–16». Однако четыре часа уже есть, а мама так и не пришла за Робертом. Может быть, она убита.

– Я хочу домой. Где моя мама? – жалобно всхлипнул Роберт.

– Не сомневаюсь, она уже идет сюда, – заверила его Лавелва.

– Я хочу в туалет, – сказала Линда.

– Пописать или другое? – спросила Лавелва.

– Все сразу, – ответила девочка.

– Ну хорошо, – сказала Лавелва. – Еще кто-нибудь хочет в туалет?

Поднялось несколько рук.

– Я отведу вас туда, – туалет находился в дальнем конце комнаты, – но всем нужно будет идти на цыпочках.

– Я не буду ходить на цыпочках, – сказал Ларри. – Цыпочки – это для малышек.

Лавелва работала воспитателем в детской комнате на втором этаже. Ее заботам были поручены семнадцать непослушных детей, троим из которых не было еще и восьми лет. И это был ее первый рабочий день! Проклятье!

Лавелва точно не знала, что происходит. Она была прикована к детской комнате, просторному помещению, заваленному поломанными игрушками и описанными куклами, расположенному на втором этаже. Примерно с час назад Лавелва услышала выстрелы – громкие резкие хлопки, отразившиеся гулкими отголосками от стен, углов и закутков огромного комплекса, очень страшные, – и сразу же отвела всех детей в заднюю часть комнаты и приказала лечь на пол. Подойдя к двери, она увидела, что плотный людской поток по коридору иссяк в считанные минуты. Люди бежали словно сумасшедшие с криками: «Там стреляют, там стреляют, у них пулеметы!» Лавелва поняла, что ей ни за что не удастся провести семнадцать детей в такой толпе, что малышкой оторвут от нее, собьют с ног, может быть, даже затопчут. Куда подевалась ее начальница? Миссис Уотни, заведующая детской комнатой, не отвечала на звонки и на текстовые сообщения. Быть может, она тоже выбежала из торгового центра? Лавелва попробовала позвонить матери, но не смогла дозвониться. Тогда она позвонила своему брату Ралфи, хотя тот предупреждал, чтобы она никогда не беспокоила

его, когда он работает. Неважно, она все равно не смогла дозвониться. Лавелва позвонила по 911. Никто ей не ответил. Она осталась совершенно одна.

Лавелва сразу же поняла две вещи: во-первых, будет гораздо лучше, если она останется с детьми здесь до тех пор, пока не придет какой-нибудь представитель власти, полицейский, пожарный, кто угодно, и не даст ей инструкции, и во-вторых, что, если здесь разгуливают вооруженные люди, ей самой тоже нужно вооружиться. Жизнь в ее вселенной, ограниченной центром Миннеаполиса между Двадцать восьмой улицей и Вашингтон-авеню, была жестокая, и вся молодежь носила при себе оружие. Лавелва не раз видела молодых парней, лежащих посреди улицы в луже крови, с остекленевшим взглядом. Таким был ее мир. Другого она не знала. Газеты непрерывно болтали о том, какая же это трагедия, однако такие слова как «трагедия» мало что значили для Лавелвы; у нее был более чем практичный склад ума, и она привыкла разбираться с тем, что есть, вместо того, чтобы мечтать о том, что могло бы быть.

Сгрудив детей в задней части комнаты, Лавелва отправила Линду в туалет. Сюзанна, Минди, Джессика и Марша тоже попросились в туалет. На самом деле попросились все девочки.

– Все идут по очереди. Никто не толкается. Выстраивайтесь друг за дружкой. Порадуйте мисс Лавелву, – распорядилась Лавелва, понимая, что инертные белые девочки постараются сделать именно так.

Разумеется, сама она не могла пойти вместе с ними; по правилам, воспитательница детской комнаты не имела права оставаться в туалете наедине с ребенком любого пола. Но, возможно, в такой день, как сегодня, правила можно было выкинуть в окно. И все же лучше их соблюдать, что бы ни происходило снаружи. Здесь, в детской комнате торгового центра «Америка», все правила будут четко выполняться.

Ну, все, кроме одного.

Лавелва обратилась к мальчикам:

– А вы выстройтесь вдоль стены. Мы все равно будем играть в игру, прятаться от чудовищ. Вы ляжете на пол и будете вести себя тихо. И чудовища вас не заметят. Игра будет долгой, так что лучше к ней привыкнуть. Я не хочу, чтобы кто-то хныкал или жаловался. Сегодня вы все – храбрые мальчики, вы меня слышите?

Мальчишки закивали. Рыжеволосый, «ЧАРЛЬЗ 15–17», спросил:

– А что такое храбрые?

– Ну, это как большие взрослые футболисты. Которые ничего не боятся.

– Мне страшно, – сказал Чарльз. – Сейчас это совсем другое.

– Да, ты прав, – согласилась Лавелва. – Совсем другое. Но, Чарльз, ты такой озорной, что я хочу назначить тебя вожаком, хорошо? Ты будешь самым храбрым.

– Да, мисс Лавелва, – сказал Чарльз.

Обернувшись, Лавелва подошла к своему столу – точнее, просто к столу, поскольку он лишь находился в комнате и не принадлежал никому из воспитателей. Она не увидела ничего такого, что можно было бы превратить в опасное оружие: ни ножа для бумаги, ни пилки, ни ножниц – ничего. Здесь не было даже линейки. Очевидно, поскольку вокруг крутились такие озорные сорванцы, комната была предусмотрительно освобождена от всех опасных предметов.

И тут взгляд Лавелвы упал на журнал дежурств, перекидную тетрадку, вставленную в скоросшиватель с тремя кольцами. Открыв скоросшиватель, она увидела, что вдоль корешка проходит стальная или, по крайней мере, просто металлическая пластинка. Раскрыв кольца, встряхнула листы бумаги, затем сделала усилие и вырвала пластинку из корешка. Скоросшиватель оказался полностью изуродован, картонный корешок развалился, но зато у Лавелвы в руках остались одиннадцать дюймов острой стали, хотя и с ненужными довес-

ками в виде трех колец. Захлопнув кольца, Лавелва засунула стальную полоску сзади за пояс джинсов. Затем она снова повернулась к мальчикам.

«ЧАРЛЬЗ 15–17» стоял, указывая в коридор.

– Я вижу чудовище, – сказал я.

Лавелва обернулась и сквозь стекло, отделяющее детскую комнату от коридора, увидела силуэт вооруженного мужчины.

Их было шестеро, но миссис Ренфелс, управляющая, совсем сломалась. Все шестеро женщины, все перепуганы насмерть, за исключением Молли, которая беспокоилась не столько за себя, сколько за мать и сестру Салли. Даже бойкая продавщица Роза притихла, охваченная страхом.

– Сейчас ты все равно не сможешь выяснить, что с ними, – сказал Рей Молли. – Сначала ты должна подумать о Молли. Полностью сосредоточиться на том, чтобы сохранять спокойствие и ждать. Только так ты сможешь победить.

Ни о каком уединении не шло и речи; все они втиснулись в крохотную кладовку в глубине магазина, устроившись под манекенами и коробками с бюстгалтерами, пеньюарами и всеми прочими предметами женского нижнего белья, созданными для возбуждения воображения мужчин, которые теперь казались совершенно чуждыми в этом мире.

– Я должна знать, – упрямо произнесла Молли, стараясь унять тревогу.

Салли в свои пятнадцать была невозможно хорошенькая, с умными живыми глазами, стройным девичьим телом и изяществом, еще только переходящим в женское обаяние, а мать по-прежнему оставалась уверенной и решительной, хотя она еще не до конца привыкла к американскому образу жизни. Молли было плохо при мысли о том, что двое самых уязвимых членов ее семьи оказались в смертельной опасности. Когда она в последний раз разговаривала с матерью и сестрой по сотовому, те находились на первом этаже, как раз там, где боевики окружили заложников. Но если им посчастливилось оказаться у внешнего периметра, может быть, им удалось прорваться к выходу? Молли изнывала от желания позвонить родным, но она с ужасом думала, что они могут сейчас сидеть в толпе заложников, про которую говорил Рей, и телефонный звонок привлечет к ним ненужное внимание.

– Как мне хочется выключить эту проклятую музыку, – пробормотала жена Милта. – Если я услышу «Рождественские колокольчики» еще хоть раз, меня стошнит!

– Только не на меня, пожалуйста, – поспешно сказала блондинка, которая, судя по всему, считала себя красавицей.

– Почему все это происходит? – простонала миссис Ренфелс. Это были ее первые слова с начала кризиса.

– Это все потому, что после одиннадцатого сентября надо было сбросить на них атомную бомбу, – заявила жаркая блондинка, несомненно, привыкшая по поводу и без высказывать собственное мнение и своей красотой подавлять на корню возможные возражения. – Если бы мы сожгли их всех дотла, ничего этого не было бы.

– Нельзя убить миллиард человек только потому, что, скажем, тринадцать из них – психи и уроды, – возразила жена Милта.

– Да нет же, можно, и запросто. Достаточно нажать кнопку – и все они сгорят в огне.

– Это самое дикое...

– Ну хорошо, хорошо, – вмешался Рей. – Я не собираюсь становиться командиром и приказывать вам, но все же будет лучше, если вы воздержитесь от ссор до тех пор, пока это все не кончится. Возможно, вам придется работать вместе, и вы должны видеть в соседе своего близкого родственника. Вот когда будете обсуждать сценарий будущего фильма, спорьте сколько угодно.

– Он прав, – подхватила Роза. – Давайте держать свои чувства в узде, так будет лучше для всех нас.

– Тебе легко говорить, – проворчала миссис Ренфелс. – Ты молодая, тебе нужно думать только о себе самой. А у меня трое детей. Если со мной что-либо случится... О, ну почему все это происходит?

– Мэм, – сказал Рей, – я вовсе не хочу вас учить, как думать, но я в прошлом служил в морской пехоте и побывал в боях. Если позволите, я бы посоветовал сегодня больше не употреблять это слово на букву «п». Я имею в виду слово «почему». Порой нет никаких почему, и если заикнуться на том, почему все так, а не иначе, не останется времени заниматься делом. Мне не раз приходилось видеть такое. Погибают те, кто не может поверить в то, что идет бой, кто не может поверить в то, что кто-то пытается их убить. Им все это кажется таким несправедливым, и они так поглощены жалостью к самим себе, что они забывают, как использовать свое дорогостоящее снаряжение. А те, кто не задает бесполезных вопросов, остаются в живых; они сразу же понимают, что попали в другой мир и им нужно разбираться с тем, что перед ними, с максимальной концентрацией внимания.

– Очень дельный совет, – похвалила Роза.

– Может быть, нам следовало бы сдаться, – предложила блондинка.

– Ни в коем случае, мэм, – возразил Рей. – Напротив, вы должны думать о том, как вам повезло. Кто-то убит, другие, возможно целая тысяча, находятся под дулами автоматов. Вы же здесь, по крайней мере сейчас, в безопасности. Никто не знает, что вы здесь, и никто, это я точно говорю, вас не ищет. Просто сохраняйте спокойствие и не теряйте веру в бога и тех людей из правоохранительных органов, которые, уверяю, как раз сейчас усиленно трудятся над тем, чтобы нас освободить.

– Великолепная работа, – похвалил Обоба. – Майор Джефферсон, это замечательный план. Я восхищен.

Джефферсон принялся развивать свою точку зрения:

– Мы не будем одновременно взрывать все двери и двигаться по пассажам, лишённые возможности вступить в действие до тех пор, пока не доберемся до парка развлечений. Так не пойдет, потому что у боевиков будет время, которое потребуется нашим людям для продвижения по пассажам, чтобы открыть огонь по заложникам. По одному боевику в конце пассажа, стреляющему в нападающих, хватит, чтобы задержать штурм на шесть или даже восемь минут. Это слишком долго.

– Продолжайте, майор.

– Поэтому мы отбираем шестерых стрелков, имеющих боевой опыт, все вооружены МП-5, лазерные целеуказатели с красной точкой, переводчики огня на одиночные выстрелы. Такие ребята у нас есть. Кое-кто из наших людей хорош, кое-кто из федералов очень хорош, а Фил Мейсон из спецназа Эдины – трехкратный чемпион Седьмого района по стрельбе. Я состязался с ним, он чертовски хорош и чертовски хладнокровен. Итак, мы вшестером спускаемся под землю в трубу, которая проходит от автостоянки номер восемь до торгового центра. Она приведет нас прямо под «зону Зет». У меня есть парень из блумингтонского спецназа, он был армейским сапером, побывал в «песочнице»¹⁶. Мы закладываем шесть зарядов, чтобы проделать отверстия в полу. В условленный момент мы отрубам электричество, комплекс погружается в темноту. Потребуется несколько секунд на то, чтобы включился генератор аварийного энергоснабжения. Но боевики сразу же видят дыры в полу и предполагают, что оттуда ползут вооруженные люди. Нет-нет, это отвлекающий маневр. Мы же тихонько выходим наверх через воздуховоды под билетными кассами «зоны Зет»,

¹⁶ На армейском жаргоне – Ирак.

вот здесь, – Джефферсон указал на плане, – и в одном определенном месте, указанном инженером-строителем, находим у себя на пути только половые доски и линолеум. Как только боевики бросятся отражать предполагаемый штурм из-под земли, мы ударим по ним с тыла. Они обязательно должны будут перекрыть отверстия в полу, проделанные нами. Выстрелы в голову, цели обозначены; мы уложим всех быстро, прежде чем толпа успеет запаниковать. Но, господин полковник, нужно начинать прямо сейчас. Потребуется время, чтобы провести людей по воздуховодам под кассы «зоны Зет», определить место и заложить взрывчатку, и чтобы...

– И снова я не могу вам передать, как я восхищен, – перебил его полковник Обоба. – План изобретательный, тщательно продуман, учтены все факторы. Я очень рад, что теперь мы сможем всесторонне его обсудить.

Он прикоснулся к плечу чересчур рьяного майора, словно благословляя его. И отвернулся, оставив Джефферсона с недоуменным выражением лица и сознанием того, что ему снова ответили «нет», которое на этот раз еще больше было похоже на «да».

– В комплексе выстрелы! – возбужденно объявил один из радистов. – Снайперы ФБР докладывают, что в комплексе выстрелы!

Дейв Макэлрой первым выпрыгнул из вертолета, первым занял позицию. С воздуха было отчетливо видно, что окна в крыше очертаниями напоминают Великие озера, но, когда Макэлрой подбежал к южной оконечности Мичигана, туда, где должен был находиться Чикаго, он увидел просто озеро Стекло, точнее, озеро Пластик, огромное пространство толстого прозрачного плексигласа, сквозь который нужно было каким-то образом проникнуть. Но сначала надо было приготовить снаряжение.

Расстегнув кофр, Макэлрой достал винтовку «Ремингтон-700» с оптическим прицелом «Льюпольд», дающим десятикратное увеличение. И винтовка, и прицел были выкрашены в матовый зеленый цвет, сливающийся с листвой. Затем снайпер осторожно освободил от застежки-липучки длинную зеленую трубку и внимательно ее осмотрел. Это был глушитель «Джемтех», около восьми дюймов в длину и полтора дюйма в диаметре, и под наружным кожухом состоял в основном из перегородок, камер и отверстий, чья цель была максимально продлить путь расширяющихся пороховых газов, чтобы, когда они наконец вырывались в атмосферу, их скорость была бы уже небольшой и звук выстрела получался похожим не на резкий оглушительный треск, а на слабый хлопок. Тщательно закрутив глушитель по резьбе на дуле, Макэлрой вставил в ствольную коробку затвор, достал из кармашка для боеприпасов коробку отборных патронов «Федерал» с пулей весом 175 гран и, вставив пять в магазин, закрыл затвор, досылая последний в патронник. Затем он щелкнул рычажком предохранителя, хотя в них и не верил, перекинул ремень через плечо и встал, чтобы осмотреться.

Прямо перед ним тянулась стенка высотой около пяти футов, образующая колодец обширного окна, бывшего озером Мичиган. Разумеется, окно представляло собой не цельный кусок плексигласа, а было разделено на секции размером двадцать на двадцать футов. Осторожно заглянув через край самой южной секции, Макэлрой получил возможность разглядеть толпу подавленных покупателей, втиснутых в проходы и открытые площадки парка развлечений, под углом девяносто градусов с высоты около ста двадцати футов сквозь толстый пластик; рассмотреть подробности было трудно. Наконец он опознал одного из боевиков, в основном по черному предмету, который тот держал под рукой, и черно-зеленой тряпке на голове. Затем появились детали: пистолет, нож, микрофон у горла. Если не прозрачная преграда, сделать прицельный выстрел было бы проще простого, и Макэлрой попросил бога снайперов, чтобы ему представилась возможность выстрелить.

Он взял рацию.

– Снайпер номер пять готов, занял позицию, – доложил он сержанту полиции штата, сидевшему в штабном автобусе.

– Вас понял, Пятый. Пожалуйста, доложите обстановку.

– У меня хороший угол зрения на происходящее, практически вертикально вниз. Я на месте Чикаго в самом низу Мичигана, и, следовательно, мне хорошо видны балконы напротив, то есть с восточной стороны. Там никакого движения. Выстрел сделать не могу, повторяю, выстрел сделать не могу. Стекло, пластик или что там еще очень толстое; пожалуй, я его не разобью, даже если бы у меня был долбаный молоток.

– Напоминаю, никаких выстрелов, это категорическое требование. Оставайтесь на позиции и время от времени докладывайте обстановку, а мы будем решать, что делать.

– Я могу поговорить с начальником из ФБР?

– Нет, Пятый, он сейчас на совещании у руководителя операции. С минуты на минуту ожидается прибытие губернатора штата.

– Попросите его связаться со мной, как только он освободится. Прием.

– Вашу просьбу понял, Пятый, сделаю что смогу, но ничего не обещаю. Конец связи.

Вот, кажется, и все. Оделся, собрался, а выстрелить не в кого. Точнее, выстрелить нельзя. А жаль. С такого угла боевики выглядели неподвижными мишенями в тире.

«Милостивый бог снайперов, к тебе взывает твой скромный слуга Дейв. Пожалуйста, до конца дня позволь мне уложить хотя бы одного из этих ублюдков». Но Макэлрою был хорошо известен нрав их божества, и он понимал, что оно приходит на помощь только тем, кто помогает себе сам.

Дейв Макэлрой, тридцатидвухлетний ветеран Бюро, участник сотни рейдов, побывавший на периферии двух-трех перестрелок, но сам еще ни разу не сделавший выстрел, испытывая чувство ненависти к цели, огляделся вокруг. Естественно, внизу простиралась Миннесота, погружаясь в темноту в угасающем свете заходящего солнца, тут и там разрываемую яркими пятнами зажигающейся иллюминации. Вдалеке виднелись автострады, заполненные машинами, огни городских кварталов и торговых центров, – обычная американская картина. Затем была еще сама крыша, плоская, покрытая черным асфальтом сцена, на которой разыгрывалась эта драма. Эта плоскость была огромная, выходящая за рамки человеческих масштабов, вероятно, больше, чем палуба авианосца или стоянка перед футбольным стадионом, уходящая в бесконечность. Примерно в миле – по крайней мере, так показалось Макэлрою, – возвышались стойки промышленного оборудования, вероятно, система кондиционирования и обогрева. Еще были шесть маленьких будок – до смешного похожих на домики-укрытия, которые зимой устанавливают на замерзших озерах миннесотские рыбаки, – предположительно, это были двери, ведущие на лестницы. Макэлрой решил, что все эти двери заперты, но он рассудил, что толковый оперативник наверняка сможет их взломать, тем самым открывая дорогу вниз. Но в штабе наверняка уже подумали об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.